

Виктор Михайлович Чернов
Великая русская революция.
Воспоминания председателя
Учредительного собрания. 1905–1920

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=619015

*Виктор Чернов. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905 – 1920: Центрполиграф; Москва; 2007
ISBN 978-5-9524-2710-5*

Аннотация

Виктор Михайлович Чернов (1873 – 1952) – автор трудов по социологии и аграрному вопросу, один из основателей и главный теоретик партии эсеров, министр Временного правительства. В 1918 году избран председателем Учредительного собрания. В своей книге он вспоминает революционные дни потрясенной России, те события, в формировании которых он принимал непосредственное участие. Резко обвиняет царскую власть, а затем и «демократию» за болтливость и разрушительство, упрекает во властибоязни, а блок с кадетами, которые диктуют свои условия, называет нереальным и вредным. Высказывается об Октябрьской революции 1917 года, которую категорически не принял.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	32
Глава 4	44
Глава 5	56
Глава 6	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Виктор Чернов
Великая русская революция.
Воспоминания председателя
Учредительного собрания. 1905 – 1920

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Глава 1 КРАХ ДИНАСТИИ

Кажется, что эта трагическая пара – Николай II и Александра Федоровна – была создана историей специально для того, чтобы завершить династию.

Этого человека и его семью с самого начала преследовал злой рок. Когда в разгар мировой войны царю пришлось в голову сместить великого князя Николая Николаевича и самому стать главнокомандующим, почти все его приближенные пришли в ужас. Они понимали полную неспособность царя выполнять эту миссию и его абсолютную некомпетентность в военных делах. Кроме того, они опасались негативной реакции солдат и всей страны. Все шептались, что присутствие невезучего императора на фронте не сулит войскам ничего хорошего.

Характер Николая II сформировался под беспощадным влиянием судьбы, а не случая. Поэт Александр Блок писал о нем: «Упрямый, но безвольный, нервный, но равнодушный ко всему, не верящий в народ, тревожный и осторожный в словах, он не был хозяином самому себе». Распутин говорил: «У него чего-то не хватает внутри».

Он воспринимал чужие советы с упрямой пассивностью, словно желая бежать от жизни. Его реакция на события была замедленной и, если так можно выразиться, машинальной. Казалось, это не человек, а его плохая копия. В критические моменты власть в его руках была «не властью, а ее бледной тенью».

Видимо, апатичность и нерешительность Николая II объясняются его детством, на которое оказал влияние суровый отец. Александр III был суровым и деспотичным человеком, способным сломить волю любого. Слабая, почти женственная натура Николая заставила его быстро приспособиться к тирании отца. Он стал послушным и раболепным. В семье ему дали кличку Ники Чего Изволите.

В императорской семье была жива память об Александре II, убитом бомбой террориста; Александр III, огражденный от мира концентрическими кругами тайной полиции, жил как затворник, как затравленный волк, рычащий на своих преследователей. Маркс называл его «военнопленным русской революции, сидящим под домашним арестом в своем гатчинском дворце». Этот узкий круг с его душной атмосферой оказывал угнетающее влияние на молодого цесаревича. Даже временное бегство, которым стало для Николая путешествие на Дальний Восток и в Японию, не принесло ему счастья. По иронии судьбы он попал в замок, куда был воспрещен вход иностранцам, и был тяжело ранен в голову мечом простого самурая; эта рана стала предвестием еще более тяжелой раны, которую крошечная Япония нанесла позднее военному престижу России не только на Дальнем Востоке, но и во всем мире.

После этого Николая подвергли второму «домашнему аресту». Среди «человеческих документов» того трудного времени есть наивная короткая записка, отправленная одним из дворцовых гвардейцев своим родным после убийства царского министра Сипягина: «Министра похоронили в четверг, но бедный император посетил только церковь, а на кладбище не был. Его жизнь хуже нашей. Император боится всего на свете и большей частью сидит в Зимнем дворце, как под арестом. Его единственное развлечение – игра с собаками. Он спускает с поводка штук пять – восемь и носится с ними по саду, а они прыгают на него; иногда он бегаёт по крыше или играет в мяч с братом; такова их несчастная судьба».

Ясно, что приятной такую жизнь не назовешь. В своем крымском имении Ливадия он жил как в осажденной крепости. Местным жителям было строго-настрого запрещено приближаться к резиденции императора; кордоны и пикеты из солдат и чинов полиции, как обычной, так и тайной, были повсюду. Во время путешествий Николая по России вдоль всей

железнодорожной колеи стояла цепочка солдат. Регулярно проводились досмотры и облавы. В городах, которые посещал император, по маршруту его следования прочесывались все чердаки и подвалы. Водопровод и канализация проверялись на наличие мин. Подходить к окнам и выходить на балконы можно было только по специальному разрешению. Стоять на тротуарах могли только те, кто получил пригласительный билет. Все это было так утомительно!

В беспросветном существовании Николая был только один светлый момент. После смерти своего отца, мрачного тирана, Николай, которого Лев Толстой однажды назвал «бедным, запуганным молодым человеком», внезапно стал всемогущим повелителем одной пятой земного шара. От такого закружилась бы голова у каждого. Он стал царем. Подданные, уставшие от хмурого царствования Александра III, ждали от его преемника перемен к лучшему. Неужели сам Николай не чувствовал тяжелой руки отца? Все, кто еще сумел сохранить живую душу, жадно искали намека на такие перемены.

Порадовать тогдашнее русское общество было легко. Две-три августейшие («благожелательные и утешительные») пометки, сделанные на полях отчетов губернаторов напротив пунктов о расширении школьной сети; два-три выхода из дворца без сопровождения тайных агентов; указ о выделении пятидесяти тысяч рублей на помощь нуждавшимся авторам – всего этого было достаточно, чтобы зажечь в сердцах надежду. Но выходы из дворца без охраны тут же вызвали тревогу, и «беспечного молодого человека» моментально окружили двойным кордоном. Деньги, выделенные для неимущих авторов, тут же передали в так называемый «рептильный фонд», предназначенный для подкупа. А что касается императорских заметок на полях, то цензура хотя и не посмела их скрыть, но запретила комментировать.

Чувствуя приветливые и ожидающие взгляды подданных, Николай мог считать себя счастливым, а счастливые люди стремятся сделать счастливыми и других. Это подтверждает граф Витте. «Когда император Николай II унаследовал престол, он, если так можно выразиться, излучал добрую волю. Он искренне и от души желал мира и счастья всей России, всем ее народам, всем подданным, потому что у императора действительно было доброе сердце, и если в последние годы возобладали другие черты его характера, то лишь потому, что императору пришлось очень многое пережить». Даже оппозиционные газеты, выходившие за пределами России, не были настроены против молодого царя. После семи лет тщетных ожиданий перемен к лучшему французская газета «Либерасьон» все еще не хотела расставаться с надеждой. «Сам по себе царь – человек хороший и страстно стремится сделать Россию счастливой», – писала она. Верить в такое стремление приятно, и когда-то возникший слух о мягкости и «доброй воле» молодого царя дальше поддерживался по инерции. Например, террорист Евгений Шауман, убийца генерал-губернатора Финляндии, писал: «Ваше Величество! Я приношу в жертву свою жизнь, пытаюсь убедить вас, что дела в России обстоят хуже некуда. Зная доброе сердце и благородные намерения вашего величества, я умоляю Ваше Величество тщательно изучить ситуацию... С глубочайшим и преданным уважением остаюсь верным подданным Вашего Императорского величества, самого могущественного и милосердного императора. *Евгений Шауман*».

Момент восшествия на престол стал лучшим в жизни Николая. Но даже тогда в бочке меда оказалась ложка дегтя. Московская коронация, во время которой населению должны были раздавать царское угощение и подарки, была организована с азиатской беспечностью и привлекла на Ходынское поле несметные толпы народа. На этом поле было полно старых ям и траншей. Началась давка, а когда она закончилась, эти ямы наполнились телами затоптанных насмерть людей.

«Где стол был яств, там гроб стоит...»

Суеверный народ воспринял случившееся как недоброе предзнаменование. И тут молодой царь впервые проявил удивительную бесчувственность, которая так часто изумляла

людей впоследствии. Не пожелав прервать коронацию, Николай продемонстрировал полную невозмутимость. Хотя тела многочисленных жертв (их общее количество так и не было передано гласности) еще не были погребены, он почтил своим присутствием бал, устроенный неким иностранным посольством.

Восшествие молодого царя на престол было омрачено еще одним происшествием. Принимая делегацию земств, которая в своем приветственном адресе намекнула на необходимость либеральных реформ в управлении, царь отклонился от текста заранее заготовленной речи, в которой говорилось о невозможности удовлетворить «беспочвенные мечтания» о конституции. Вместо этого он оговорился и употребил куда более резкое и даже просто оскорбительное выражение «бессмысленные мечтания», после чего смутился и быстро покинул зал. Присутствовавшие при этом иностранные корреспонденты отметили его «мальчишескую неловкость, шаркающую походку и смущенный вид»; для них он был «царем-манекеном, производившим жалкое и в то же время сильное впечатление своей склонностью к истерии и автоматизму».

Было ясно, что «шапка Мономаха» слишком тяжела для головы, на которую она легла. Николай согнулся под ее бременем; он всю жизнь пытался выпрямиться и не дать людям заметить, что эта шапка ему не по размеру. Царь старался подбодрить себя мыслью о том, что он не простой смертный, а помазанник Божий, что на нем лежит благословение небес и ведет его по незримой тропе жизни без всяких усилий с его стороны. Николай шел по этой тропе с непостижимой (многие называли ее «таинственной») полуулыбкой на губах; он никогда не смотрел посетителю в глаза, но бродил взглядом по его лицу или устремлял взор куда-то в пространство.

Со временем эти черты характера только усиливались. Увидев царя в январе 1917 г., граф Коковцев вздрогнул. «Его лицо было ужасно худым, осунувшимся и изборожденным мелкими морщинами. Глаза... полностью утратили цвет и беспомощно блуждали с одного предмета на другой». В важные моменты беседы царь «впадал в абсолютно непостижимое, беспомощное состояние. Его лицо не покидала странная улыбка, лишенная выражения и даже болезненная – я бы сказал, почти бессознательная; он смотрел на меня растерянно, словно искал помощи и хотел, чтобы я напомнил ему, что абсолютно исчезло из его памяти». После аудиенции граф Коковцев осмелился сказать доктору Боткину: «Разве вы не видите, в каком состоянии находится император? Он на грани душевной болезни, если уже не переступил эту грань». Ответом Боткина было красноречивое молчание.

Конечно, оговорка молодого царя при его первой встрече с делегацией подданных была случайной. Возможно, он страдал из-за нее сильнее всех. Он не любил неприятных сцен. Если кто-то из его приближенных попадал в опалу, Николай предпочитал высказывать свое неудовольствие у него за спиной, не переставая быть внешне «неизменно благорасположенным». Иными словами, он придерживался манер, которые с самого детства делали его «примерным мальчиком», олицетворением хорошего воспитания. О Николае говорили, что он напоминает Александра I, который был «grand charmeur» [великим обольстителем (фр.). – *Примеч. пер.*]. «Я не знаю никого, – говорит один министр, – кто при первом представлении не был очарован императором; он чарует своей искренностью, своим любезным обхождением, а особенно превосходным воспитанием; за всю свою жизнь я не встречал более воспитанного человека, чем император».

Николаю II следовало родиться не императором, а сельским помещиком средней руки, с состоянием, достаточным для мирной жизни вдали от общественных потрясений. Как пишет генерал Данилов, «мне кажется, последнему русскому монарху по складу его характера больше всего подошла бы жизнь без ответственности и без печалей». Однако история возложила на его хрупкие плечи огромную тяжесть и сделала главным героем трагического конца династии, насчитывавшей триста лет.

Николай унаследовал от предков стремление к завоеваниям. В фантазиях и планах на будущее он щедро вознаграждал себя за неудачи в настоящем. Его наперсник генерал Куропаткин писал в дневнике: «Я сказал Витте, что наш император вынашивает грандиозные планы: завоевать Маньчжурию и присоединить к России Корею. Он хочет взять Персию и захватить не только Босфор, но и Дарданеллы. Он мечтает распространить свою власть на Тибет». Его взгляды на внешнюю политику были следующими: «Конфликт Сербии и Болгарии выгоден для нас». Так же выгодно «настроить тибетцев против англичан». Полезно «создать полосу дикой и почти непроходимой ничейной земли, чтобы разделить русскую и японскую сферы влияния», «принять на службу хунхузов (китайских бандитов)» и заманить японцев в Корею, потому что «лучше сражаться с ними на Корейском полуострове». Но поскольку министры такие авантюры не одобряли, царь отворачивался от них. «Император по-прежнему думает, что он прав, что он лучше нас понимает нужды и выгоды России. Поэтому он нас обманывает». Каждый случайный фаворит, готовый одобрить что угодно, «кажется царю лучше понимающим его мысли, чем мы, его министры»¹.

Самые талантливые его помощники (люди типа Витте) могли доверять свои мысли и сожаления только бумаге. «Мне жаль царя. Жаль Россию. Бедный, несчастный император. Что он получил в наследство и что оставит после себя? Конечно, он человек добрый и умный, но лишенный воли; именно эта черта является причиной всех его неудач как государственного мужа; именно ею объясняются его неудачи как правителя, тем более правителя абсолютного и ничем не ограниченного, второго после Бога»².

Эсеровская пресса однажды сыграла с царем злую шутку. Журналисты тщательно собрали из «Правительственного вестника» и других официальных источников все его речи – главным образом тосты. Они были не слишком многочисленны и чаще всего представляли собой вариации на тему банального тоста в честь военных, произнесенного 21 мая 1896 г.: «Я поднимаю этот бокал за здоровье военных. Ваше здоровье, господа!» Публикация книги, наполненной этими пустыми и монотонными речами, вызвала оглушительный политический скандал. Цензор спешно конфисковал весь тираж под предлогом того, что речи императора можно публиковать только с личного разрешения «августейшего оратора».

Царь оставил после себя еще один литературный жанр: заметки на полях докладов губернаторов, генерал-губернаторов и министров, отзывы на общественные события, резолюции на присланных ему петициях и телеграммы в адрес отдельных лиц или учреждений. Ни один злобный политический памфлет не мог бы создать впечатление, равное тому, которое оставляют «перлы царского пера».

Государственный совет представляет на рассмотрение правителя предложение об отмене телесных наказаний в России. Тот пишет: «Рассмотреть вопрос повторно». Государственный совет повторяет предложение. Николай отвечает: «Отменю, когда захочу». Семьдесят восемь виднейших литераторов обращаются к царю с жалобой на произвол цензуры и просят «защитить литературу с помощью закона». Виза Николая: «Оставить без последствий». В 1896 г., через четыре года после голода, потрясшего до основания все сельское хозяйство страны, с царем встретились представители дворянства. Он сказал: «Я знаю, что дворянство переживает трудные времена. Вы можете быть уверены, что я не забуду о его нуждах». Отвечая на вопрос российской переписи, касающийся его классовой принадлежности или имущественного положения, царь написал: «Первый дворянин». Но его ответ на вопрос о профессии оказался еще хлеще: «Хозяин земли Русской». На полях закона об ограничении права евреев на жительство он пишет: «Евреи, покидающие черту оседлости, ежегодно наполняют города Сибири своими мерзкими физиономиями. Эту нетерпимую ситуацию необходимо изменить». На рапорте о злоупотреблениях жандармского ротмистра графа Подгоричани во время еврейского погрома в Белостоке император делает пометку: «Какое мне до этого дело?» На многочисленных докладах о пытках, применяемых по отношению к

заклученным, и казнях непокорных узников он пишет: «Ура, мои славные ребята!», «Славные ребята эти конвоиры, не растерялись», «Царское спасибо этим славным ребятам». На рапорте о появлении агитаторов в казармах он начертал: «Надеюсь, их тут же расстреляли». На докладе о взятии под стражу организаторов погромов красуется его резолюция: «Объявить им прощение». Эти бесчисленные заметки на полях оказали более сильное революционизирующее действие на разные слои общества, чем десятки агитаторов.

Однако все это мелочи по сравнению с отношением царя к черносотенному Союзу русского народа, который даже граф Витте называл «хулиганами и ворами», а Столыпин – «бандой уголовников». Однако царь объявил, что этот союз находится под его покровительством, не раз выражал ему благодарность и даже носил значок его почетного члена. Граф Витте был беззаветно предан царской династии, но не мог этого вынести. В его воспоминаниях можно найти горькие слова о «нищете политической мысли и болезненном состоянии души нашего деспотичного императора».

Были опубликованы дневники императора за несколько лет. Конечно, дневник – наиболее интимный литературный жанр; человек остается наедине со своей душой и поверяет бумаге свои самые сокровенные мысли и чувства. Однако в данном случае этот «человеческий документ» производит поразительное впечатление именно тем, что в нем полностью отсутствует человеческое. И в самые обычные дни его жизни, и в дни величайших потрясений, радостей или потерь дневник одинаково монотонен, мелочен и пуст. С точностью и бесстрастием часов царь отмечает пешие прогулки, охоты, чаепития, чьи-то визиты, смерти одних близких ему людей и браки других. Это не дневник, а «официальная хроника», редкостное доказательство полного автоматизма психики. Складывается впечатление, что этого человека ничто не могло тронуть. Все скатывается с него как с гуся вода. Даже в день своего отречения от престола царь тщательно записал: «Читал биографию Юлия Цезаря и играл в домино».

Генерал Данилов был свидетелем того, как вел себя царь во время всеобщего потрясения, вызванного катастрофой на Дальнем Востоке, и в еще более трагические дни марта 1917 г., предшествовавшие отречению. Генерал был поражен его «холодным, каменным спокойствием», резко контрастировавшим с подавленностью самого Данилова. «Я спрашивал себя, что это: поразительное, почти нечеловеческое умение держать себя в руках, достигнутое благодаря воспитанию и вере в свое божественное предназначение, или недостаток ума?» В конце концов генерал объяснил это «некоторым особым фатализмом восточного толка, тем не менее от рождения свойственным всем русским людям».

Витте писал то же самое: «Император по своей природе бесстрастный оптимист. Такие люди испытывают чувство страха только тогда, когда буря бушует у них перед носом, а как только она проходит, проходит и страх. Их чувствительность к феноменам, действующая на очень коротком расстоянии, приводит в ужас... Следует прибавить, что у императора женственный характер; кто-то заметил, что перед рождением он был снабжен атрибутами, отличающими мужчину от женщины, только по недосмотру природы. Каждый, кто должен отчитаться перед ним, а особенно тот, кому император назначил встречу сам, на первых порах радуется царскому благоволению, которое иногда переходит границы умеренности, но рано или поздно это благоволение сменяется равнодушием, а иногда (и довольно часто) – горечью и разочарованием человека, когда-то любившего; ибо если чувство прошло, это значит, что его предмет того не стоил».

Витте рассказывает интересную историю о «личном соперничестве», которое всегда омрачало отношения между Николаем и кайзером Вильгельмом II. Каждого, включая министра двора графа Фредерикса, «смущало, что царю не хватало внешнего величия – главным образом благодаря небольшому росту, из-за которого он отказывался носить немецкий мундир, делавший его еще меньше... В глазах общественности (не только российской, но и миро-

вой) Вильгельм как личность был выше Николая. И физически он тоже был больше похож на императора. Тщеславного Николая это злило. Я помню, что после его первой встречи с Вильгельмом появились почтовые открытки с изображением двух императоров. При этом рука Вильгельма лежала на плечах Николая; казалось, немец обнимал его. Император был Вильгельму по плечо. Все открытки было тут же приказано конфисковать».

Этот эпизод был символичен. Николай II не выносил рядом с собой по-настоящему больших людей. В критические моменты он не раз пользовался услугами графа Витте, который в политическом смысле был на голову выше остальных придворных подхалимов и карьеристов. Витте не раз находил выход из самых безнадежных ситуаций. Но в глубине души царь никогда не мог простить графу его уникальность и незаменимость. Он постоянно подозревал Витте (причем несправедливо) в том, что тот медленно, но верно готовит себе путь к тому, чтобы стать президентом Российской республики. Николай обращался к помощи Витте крайне неохотно и только в чрезвычайных случаях, причем (если не считать внешних знаков внимания вроде орденов) неизменно отвечал ему черной неблагодарностью. Царь предпочитал министров, которых он мог менять как перчатки, не меняя при этом рутинного порядка. Характерно, что в последние годы и месяцы царского режима постоянная смена министров достигла такого уровня, что даже Пуришкевич – этот *enfant terrible* [одиозная личность (*фр.*) – *Примеч. пер.*] правого крыла Государственной думы – злобно и гласно протестовал против «министерской чехарды».

Поэтому неудивительно, что все, кто был предан престолу и служил ему верой и правдой, испытывали чувство глубокой горечи и недовольства своим правителем. Когда убийство министра Боголепова положило начало новому этапу террористической деятельности, потребовалось назначить сильного министра внутренних дел. Царь попросил совета у духовного вождя реакционной клики Победоносцева, кого назначить на этот пост – Сипягина или Плеве. Победоносцев ответил, что никакой разницы нет: один дурак, второй мерзавец. Царь назначил сначала первого, потом второго: оба были ликвидированы военной организацией партии социалистов-революционеров. Сипягин, ультрареакционер и аристократ до мозга костей, действительно не отличался умом, но был беззаветно предан императору. Незадолго до своей смерти Сипягин сказал Витте «искренне и с большой горечью, что императору нельзя доверять; хуже того, он лжив и неискренен. В отчаянии он [Сипягин. – *Примеч. пер.*] сказал то же самое своей жене». После смерти Сипягина в его доме появились посланцы, которым было поручено забрать дневник хозяина для царского просмотра. Когда дневник вернули вдове убитого министра, многие важные части оттуда исчезли. Согласно графу Шереметьеву, царь уничтожил их лично и даже «соизволил» в чем-то заподозрить своего посланца, генерал-адъютанта Гессе.

Благодарность была чувством недостойным положения русского царя. Во всяком случае, так считала императрица, которая сразу после смерти Столыпина прочитала графу Коковцеву нотацию: «Вы придаете Столыпину слишком большое значение. Не следует так сильно переживать из-за тех, кого больше нет. Каждый исполняет свою роль; если его уже нет среди нас, это значит, что он сыграл свою роль до конца и добавить ему было нечего».

В наиболее важном источнике последних лет – двухтомных мемуарах графа Коковцева – говорится, что даже Витте, человек, обладавший огромной энергией и уверенностью в себе, был доведен до такого состояния, что готов был покончить с собой.

Когда князь Святополк-Мирский попытался с помощью мягких методов управления примирить страну с ее правителем, он потерпел неудачу, потому что за его спиной (и к его удивлению) царь сорвал все планы князя, назначив на ответственные посты нескольких махровых реакционеров. После своей отставки князь с горечью заявил: «Нельзя верить ни одному слову императора, потому что завтра он откажется от того, что одобрил сегодня». Место Святополк-Мирского занял Трепов, прямой, грубый и самоуверенный гене-

рал, «вызывающая внешность, устрашающий взгляд и простая солдатская речь» которого произвели на царя такое впечатление, что на некоторое время Трепов стал чуть ли не диктатором. Затем царь решил избавиться и от этого «в высшей степени лояльного и преданного слуги» с помощью некоего хитрого плана, но сам запутался в нем. Витте туманно говорит о какой-то «трагической ситуации с этим недалеким, но честным и преданным царю человеком, возникшей за несколько недель до его смерти». Сам Витте с горечью замечает: «Что касается слов императора, то я уже знал, что им нельзя верить. Он не мог доверять даже сам себе, потому что непоследовательный человек не способен управлять собой; он дрейфует по ветру, от которого, к несчастью, чаще всего разит миазмами».

Недавно генерал Мосолов, который, как заместитель министра двора, имел полную возможность наблюдать за царем вплотную, попытался реабилитировать последнего русского монарха. Согласно его словам, царь не являлся обманщиком от природы. Он был чрезвычайно застенчив благодаря болезненному тщеславию и боязни уронить свое достоинство. Поэтому он избегал споров, в которых не мог победить, был чрезвычайно замкнут и любил слушать других, сохраняя свое мнение при себе. Царь не мешал министрам, которые пытались убедить его или оказать на него влияние. Они уходили, уверенные в успехе, но позже разочаровывались. После благосклонного приема их могли неожиданно отправить в отставку. Мосолов приписывает это чрезвычайной «воспитанности» царя. Спорить из-за слов не имело смысла. Согласно Мосолову, подростка Николая научил этому его наставник, генерал-адъютант Данилович, прозванный учениками пажеского корпуса «иезуитом».

Недавно были опубликованы записки Николая Михайловича Романова, единственного умного представителя царской династии и профессионального историка. В них содержатся поразительные (чуть ли не непечатные) высказывания об императрице и нелюбезное мнение о царе: «Что это за человек! Он мне отвратителен, и все же я люблю его, потому что он от природы неплохой человек, сын своего отца и матери. Наверно, любить его меня заставляют родственные чувства, но все же какая у него мелкая душонка!»³

Из многих документов, но главным образом из «Записок» великого князя Николая Михайловича, мы знаем, что в высших придворных кругах и даже в императорской семье считали убийц Распутина чуть ли не героями и приветствовали их «с бурным энтузиазмом». Даже сам великий князь, в глубине души напуганный этим убийством, и особенно его подробностями (в том числе гомосексуальной связью между Распутиным и одним из его убийц), тем не менее одобрял данное убийство до такой степени, что готов был сам принять в нем участие. «То, что они совершили, – писал великий князь, – очистило воздух, но это всего лишь полумера, потому что Александру Федоровну [императрицу. – *Примеч. авт.*] и Протопопова следовало устранить тоже. Мысль о новых убийствах снова и снова приходит мне в голову... потому что иначе все может пойти прахом. Графиня Бобринская, Миша Шаховской пугают меня, подбадривают и умоляют действовать: но как? с кем? В одиночку это немыслимо... После бегства этих людей и Пуришкевича я не вижу и не знаю никого, кто мог бы справиться с этим». Далее, выражая свои симпатии к убийцам, он добавляет: «Я не мог выразить им ничего, кроме сердечного сочувствия и сожаления, что они не довели дело уничтожения до конца».

В высших кругах Петербурга члены миссии лорда Милнера часто слышали откровенные разговоры о возможном убийстве царя и царицы. Нынешний британский посол в Париже сэр Джордж Клерк писал: «Каждому из нас приходилось слышать о неизбежности чрезвычайно серьезных событий. Вопрос заключался лишь в том, кого устранят: императора, императрицу, Протопопова или всех троих сразу»⁴.

Многие, даже среди крайне правых, давно лелеяли мысль о смене царя ради сохранения монархии. Профессор Никольский, один из наиболее активных лидеров реакционного Союза русского народа, еще в апреле 1905 г. записал в тайном дневнике свои впечатления

от частых встреч с царем: «Посмею ли я признаться даже самому себе? Я думаю, что царь органически не способен что-то понять. Он больше чем бездарен. Прости меня, Господи, он – полное ничтожество. Если это так, его правление долго не протянется. О боже, чем мы заслужили, что наша верность так безнадежна?»

Если бы мы могли надеяться, что он покончит с собой, у нас был бы шанс. Но он этого не сделает! До чего мы дожили! Я не верю в ближайшее будущее. Теперь, чтобы очистить воздух, *одного* убийства будет слишком мало. Нам нужно что-то на сербский манер...¹

Единственной жертвой должна была бы стать династия. Но где мы возьмем новую? Одним словом, конец, полный конец. Чудес не бывает. Конец той России, которой я служил, которую любил, в которую верил. Я не увижу ее возрождения: ночь будет долгой. Агонию можно продлить, но какой в этом толк?»

Если к такому выводу пришли даже крайне правые монархисты, то династии грозила опасность лишиться поддержки вообще.

Несчастный царь пожинал то, что посеял. В критический момент, когда революция уже уничтожила его трон, он ощутил вокруг себя зияющую пропасть. Николай записал в дневнике: «От меня потребовали отречься... Я согласился... В час ночи я оставил Псков с тяжелым чувством: кругом измена, трусость, обман».

Если «женские» черты в характере царя признавали почти все, то роль мужчины в этой августейшей паре играла императрица Александра Федоровна. Свидетельством этого являются ее письма.

«Дорогуша, – игриво пишет она мужу, – не смейся над своей глупой старой женушкой, но у нее есть невидимые брюки». Стремящаяся стать «ангелом-хранителем» и «верной помощницей» мужа, она поучает Николая на каждом шагу: «Будь более властным, более суровым, более решительным и уверенным в себе, демонстрируй свою непреклонность и твердую волю». Лучшей рекомендацией для ее кандидатов в министры были слова: «Он мужчина, а не юбка». Других она отвергала, характеризуя их следующим образом: «Этот Воейков – трус и дурак... Я сказала ему, что все его министры были *«des poltrons»* [мокрыми курицами (*фр.*) – *Примеч. пер.*]... Уверяю тебя, я хочу показать этим трусам свои бессмертные брюки». Ничуть не лучше она отзывалась о боевых генералах, «больших шишках» в ставке, за их стремление к полумерам: «Предложить тебе это могли только трусы... Я вижу, что мои черные брюки нужны и в ставке – все эти идиоты просто отвратительны».

«Царица никому не нравилась, – пишет поэтесса Зинаида Гиппиус, – еще в давние времена, когда она была юной невестой наследника престола. Ее резкое лицо, красивое, но мрачное и угрюмое, с тонкими поджатыми губами, не производило хорошего впечатления; ее германская угловатая надменность была неприятна». Возможно, окружавшим не нравилась ее подозрительность. В письмах к мужу она дает себе волю, называя всех «слюнтяями», «дураками», «трусами», «мерзавцами» и «идиотами». Никто так беспощадно не описывал людей, составлявших ближайшее окружение императора.

Когда-то российской самодержицей была одна бедная немецкая принцесса. Ее звали Екатерина II. Почему Александра не могла последовать ее примеру? Эта женщина чувствовала себя более мужчиной, чем большинство окружающих, в том числе муж, уступавший ей во всех отношениях. Она всеми силами пытается вдолбить в голову мужа мысль: «Твоими врагами являются те, кто говорит, будто я слишком вмешиваюсь в государственные дела... Это показывает, что тот, кто предан тебе в истинном смысле этого слова, не станет пытаться отстранить меня». Когда Александре наконец удастся достичь цели, она ликует:

¹ Имеется в виду заговор, осуществленный в Белграде 29 мая 1903 г., который одним ударом устранил короля Александра I и королеву Драгу и заменил династию Обреновичей династией Карагеоргиевичей.

«Как чудесно, что ты отдал мне Верховный совет... Представь себе, я встречаюсь со всеми этими министрами... Со времен Екатерины ни у одной императрицы не было такой личной власти».

Этой гордой и властолюбивой натуре, презиравшей людей, судьба предназначила в спутники жизни человека малоспособного, нерешительного, постоянно терпевшего неудачи и в глубине души тяжело переживавшего их, человека, никому не верившего, болезненно тщеславного и в то же время лишенного веры в себя; человека, искавшего поддержки у окружающих, одновременно смертельно завидовавшего каждому, кто был способнее его, и не прощавшего другому его превосходства; человека угрюмого, двуличного, упрямого, несчастного и по-детски жалеющего себя. Эта тщеславная и склонная к интригам женщина решила во что бы то ни стало возвысить своего мужа. Чтобы добиться этого, она пустила в ход весь свой изобретательный и беспокойный ум. Хотя на первых порах императрица была равнодушна к мужу и даже испытывала к нему едва ли не отвращение, в конце концов она страстно полюбила его как собственное неудачное создание, как взрослого ученика, словно мать, которая после тяжелых родов начинает болезненно любить своего хрупкого ребенка с физическими недостатками, видя в нем олицетворение страданий, которые она пережила, производя его на свет. Эта полуматеринская любовь, усиленная супружеским чувством, превратилась в жгучую ненависть ко всем, кто мог затмить ее духовного отпрыска, уничтожить его своим превосходством или пытался водить его на помочах.

Врач, который лечит нервных больных с помощью внушения, мог бы позавидовать искусству, с которым императрица влияла на психику своего мужа с помощью писем: она присылала ему инструкции, подбадривала, лестила его тщеславию, лелеяла его подозрительность, любовно журила, умоляла и прибегала к словесным заклинаниям, упорно добиваясь своего. По ее мнению, он был слишком добр и мягок, очаровательно скромн, но плохие люди злоупотребляли его добротой. Он должен заставлять их повиноваться с помощью ума и опыта; у него есть и то и другое, просто он боится продемонстрировать их. Любви окружающих недостаточно; они должны бояться его – нет, дрожать перед своим царем. Он должен демонстрировать им свою железную волю, принимая решения даже вопреки мнениям и желаниям окружающих. Он должен научиться приказывать, не задаваясь вопросом, выполним ли приказ. «Используй свою метлу... показывай им свой кулак, наказывай их, будь хозяином и правителем, ты самодержец, они не смеют забывать об этом, а если забудут, как сейчас, то горько раскаются».

Да, она хотела быть добрым гением своего мужа, но стала его злым гением, потому что беспощадно прогоняла от него всех, кто обладал хотя бы намеком на независимость. Она могла терпеть и терпела только тех, кто мог и соглашался играть роль дурнушки при сомнительной «красавице». Волю императора (которую поддерживала в нем она сама) следовало чувствовать, о какой бы жизненной сфере ни шла речь. Она желала командовать даже в области религии: часто церковные вопросы решались по указке императора, что вопиюще противоречило каноническому праву. Ей хотелось участвовать даже в военных операциях; во всяком случае, она давала советы мужу. Она болезненно завидовала популярности великого князя Николая Николаевича как главнокомандующего, считая, что эта популярность «украдена» у царя, которому следовало стать главнокомандующим самому. Лихорадочная военная активность Вильгельма II не давала ей покоя. После воззвания Николая Николаевича к полякам она заподозрила великого князя в тайном желании «после войны стать королем Польши или Галиции». Позже она подозревала его в гораздо худшем: «Он получает слишком много наград и благодарностей... Он все время забывает, что не имеет никакого права отдавать приказы без твоего позволения... Он решает все, назначает и увольняет... Министры ездят к нему с докладами, словно он уже стал императором... Он пытается играть твою роль...

узурпирует твои права... хочет быть твоим ментором... Он и его ставка, в которой собрались изменники, лишают тебя первенства».

Сначала она подстрекает царя за спиной главнокомандующего совершить неожиданную поездку на фронт и опубликовать обращение к армии без упоминания имени главнокомандующего. Затем она советует царю, чтобы тот сместил дядю с поста главнокомандующего и сам занял его место. Еще позже, когда Николай Николаевич был отправлен в почетную ссылку на Кавказ, царица перехватывает его письма и внушает царю, что «все неблагонадежные элементы собираются вокруг дядюшки и пытаются использовать его как знамя», что он взял с собой на Кавказ подозрительно большую свиту, что он «продолжает сеять смуту», что Синод на его стороне, что во время трех дней, когда к царю можно было обратиться с петицией, «в толпе распространяли тысячи портретов Н», что в окружении бывшего главнокомандующего говорили о необходимости «сослать царицу в монастырь». За ними нужно следить, «нужно послать людей разнюхать это дело», «там собрались опасные враги», «это пахнет изменой». Пока еще не пришло время, но, «когда война закончится, тебе придется наказать их; почему эти люди должны оставаться на свободе и занимать завидные посты, если они готовы лишиться тебя престола, а меня запереть в монастырь?».

Но самые яростные громы и молнии императрица метала в Государственную думу, ее ведущие партии и все общественные организации, вмешивавшиеся в дела, которые мог и обязан был решать только самодержец, как помазанник Божий. «Не собирай Думу», «немедленно распусти Думу», «не верь тем, кто пытается напугать тебя черными предсказаниями», «нескольких ударов недостаточно; их можно и необходимо сокрушить». Похоже, для императрицы главным врагом были не революционеры, а такие люди, как лидеры правых партий конституционных демократов (кадетов) и Союза 17 октября (октябристов) Гучков, Родзянко и Милюков, пытавшиеся стать буфером между престолом и возбужденной страной и убедить царя принять конституцию, чтобы избежать революции. Одно письмо летело вдогонку другому: «Ты должен избавиться от Гучкова, но как? Вот в чем вопрос. Сейчас время военное, нельзя ли под каким-нибудь предлогом арестовать его и посадить в тюрьму?» А то еще проще: «Почему бы не повесить Гучкова?» Или: «Почему Милюков до сих пор на свободе?» Слыша об угрозах царицы, даже председатель правой Думы Родзянко готовился отправиться в ссылку.

Все это относится к «мужской ипостаси» императрицы. Настало время перейти к ее «женской ипостаси». На сцене появляется фигура, оказавшаяся для династии роковой: Распутин.

Отношения между царицей и Распутиным долго были предметом «скандальной хроники». После падения династии их охотно мусолила «желтая пресса», не знающая жалости к побежденным – особенно тем, кто раньше был идиолом.

Почву для таких слухов создал сам Распутин своими намеками, красноречивым молчанием и пьяным хвастовством. Повторять их нет нужды. Они только затемняют истинное значение трагикомедии, которая усилилась с появлением Распутина в императорских апартаментах.

Мы будем опираться лишь на тщательно проверенные факты.

Существует составленный Синодом «Отчет о деле Распутина». Еще в 1902 г., после сообщения священника села Покровское, уполномоченный по Тобольскому округу рапортовал губернатору о подозрительном поведении крестьянина указанного села Григория Распутина. Он упомянул о регулярных ночных сборищах в особом помещении без окон (видимо, бане). Губернатор передал этот вопрос на рассмотрение местного архиепископа Антония. Тот поручил своему представителю провести тщательное дознание, сопровождавшееся обыском избы Распутина. Отчет этого представителя был передан на рассмотрение

специалисту по сектам, инспектору Тобольской духовной семинарии Березкину. Последний определил несомненную принадлежность Распутина к «хлыстам», одной из наиболее темных мистических сект, в которых религиозный экстаз доводился до невротических оргий. Для этой секты (или, по крайней мере, для некоторых ее ответвлений) характерен резкий переход от мучений и истязаний плоти к взрывам чувственности. Как руководитель хлыстовской общины, или «корабля», Распутин обладал абсолютной властью над прихожанами, особенно над их женской половиной, и видел в их подчинении любому его капризу мистическую связь с наполнявшим его «святым духом». «Некоторые из подробностей этого документа, – свидетельствует Родзянко, читавший отчет Синода, – были до того безнравственны и отвратительны, что их нельзя было читать без омерзения». Церковные власти решили провести дополнительное расследование, а потом передать дело государственному прокурору.

Тем временем Распутин, воспользовавшись задержкой в церковном расследовании, сумел привлечь к себе внимание известного агитатора «черной сотни» протоиерея Восторгова и с его помощью добрался до Санкт-Петербурга. Он вернулся оттуда с деньгами и подарками, полученными «на память» от различных высокопоставленных особ и подписанными ими лично. Среди этих подарков был и медальон императрицы. Расследованию стали тут же ставить палки в колеса. Вскоре прибыл приказ Синода, за которым скрывалось высочайшее распоряжение: архиепископа Тобольского, преподобного Антония, повысить и сделать архиепископом Тверским и Кашинским. Ему предлагалось сделать выбор: либо прекратить расследование дела Распутина и стать архиепископом Тверским, либо подать в отставку. Антоний был человеком практичным и предпочел отставке повышение.

В то время в самом центре православной церкви возникла демагогическая черносотенная группа. Она наполняла свои проповеди политическими лозунгами наиболее реакционного толка. Среди ее руководителей помимо уже упомянутого протоиерея Восторгова были иеромонах Илиодор, страстный и умелый проповедник (горящие глаза и пламенное красноречие сделали его кумиром простонародья города Царицына, а особенно женской половины последнего); неуравновешенный авантюрист отец Гапон, начавший свое служение под покровительством тайной полиции, но затем, к изумлению многих, подавшийся в революционеры; покровитель Илиодора Гермоген, влиятельный епископ Саратовский; буйный монах Варнава, ставший из простого садовника епископом, и многие другие. В то время партия реакционеров стремилась заручиться поддержкой «простых людей» и стать «ближе к земле». Она мечтала создать «союз царя с его народом» без участия «образованных вольнодумцев и политиканов».

Хитрый Распутин, уловив дух времени, решил плыть по течению. Полуграмотный и абсолютно невежественный, он не пытался навести на себя лоск и изменить свои грубые крестьянские повадки. Он понял, что именно эти повадки помогут ему сделать карьеру. Сначала он действовал осторожно, наблюдал, ставил перед собой цель и пытался решить, какой способ позволит ему успешно проникнуть в высшее общество. Он был жадным мужиком атлетического сложения, невероятно сильным и выносливым, способным пить и блудить до бесконечности. Распутин быстро сообразил, что петербургское высшее общество состоит из смертельно скучающих самок, психопаток и истеричек. Многие женщины страдали от недостатка духовной жизни и были готовы броситься на шею любому новоявленному пророку и чудотворцу. Другим хотелось приключений и возбуждения любого рода. Дам, томившихся от безделья, могло привлечь только что-то очень извращенное. Они называли Распутина «неаппетитным мужиком», но ощущали к нему нездоровое влечение. «*Le laid, c'est le beau*» [чем хуже, тем лучше (*фр.*). – *Примеч. пер.*]. Распутин поступал очень умно, прикрывая их слабость пеленой мистицизма. Он примешивал к сексу религиозную истерию. Простое прикосновение к нему или хотя бы к его одежде якобы оказывало на людей магическое влияние; иногда оно излечивало болезни, а иногда приносило счастье и успех. А самый

интимный контакт с ним, естественный для брака, должен был перенести женщину в «высшие сферы» и помочь ей полностью «обновиться». Это был «духовный брак», самое высшее из «тайнств». Распутин был окружен настоящим гаремом настоячивых и любопытных женщин, буквально осаждавших его. Он умудрялся не только сохранять, но постоянно расширять этот гарем за счет новых наложниц, очарованных его гипнотическим красноречием и религиозными бреднями. Его красноречие было необычным. Оно представляло собой поток бессвязных, неожиданных, примитивных фраз. Ничего другого от него и не требовалось. Разве когда-то Христос не призвал к себе простых рыбаков, дабы те посрамили своей простотой тщеславных язычников, кичившихся своим знанием философии и прочих наук? За неуклюжими словами Распутина должна была скрываться более высокая мудрость, вдохновленная самим Господом.

Постепенно Распутин – пифия в сапогах со скрипом, молодой чудотворец из просто-народья – проник в петербургские салоны. Конечно, «дамские пророки», обладавшие большими или меньшими претензиями на «святость», были и до него. Неподалеку, в Кронштадте, существовал отец Иоанн, уступавший Распутину в авантюризме, но сумевший появиться в нужный момент и разрекламированный на всю Россию как «святой человек». Он тоже был окружен толпой поклонниц, но не мог пользоваться ими на манер Распутина. Поэтесса Гиппиус описывает еще одного такого типа, «маленького отца из Чемряка», некоего Щетинина. Кроме того, она утверждает, что Варнава был «младшим братом» Распутина, «дешевым изданием» последнего. Даже Питирим, последний митрополит царского времени, принадлежал к тому же типу, хотя был более осторожным и соблюдал внешние приличия, подобавшие его высокому сану.

Подобно многим своим предшественникам, Распутин мелькнул бы на петербургском горизонте, как яркий метеор, и упал в болото, если бы не открыл для себя новые ослепительные возможности. Ему удалось найти путь в императорские покои.

У Александры Федоровны, как императрицы, была своя миссия: произвести на свет наследника престола. Но одна беременность за другой кончалась рождением очередной девочки. Для нее каждая новая беременность была трагедией ожидания, тревог, надежд, разочарований и отчаяния. У нее был один выкидыш и одна ложная беременность. Психическое равновесие императрицы было нарушено. Этим объяснялась ее истерическая религиозность, желание чуда и суеверные поиски чудотворца. Московские царицы с незапамятных времен окружали себя «святыми людьми» всех мастей: начетниками, ясновидящими, «юродивыми» и прочими шарлатанами и психопатами на религиозной почве. Императрица бросилась в объятия этих проходимцев, казавшихся ей экзотичными. Среди них были такие люди, как эпилептичка Дарья Осипова, заговаривавшая женщин от выкидышей, или гундосый юродивый Митя. К этому сброду добавлялись чудотворцы, выписанные из-за границы: например, лионский полумасон-полуспирит Филипп и его ученик, известный шарлатан Папюс.

На этот раз высшие церковные иерархи созвали тайное совещание. Они испугались возвращения времен, когда при дворе процветали сектанты и масоны, а православная вера пошла на убыль. Духовником императорской пары назначили епископа Феофана. Судя по описаниям, Феофан был человеком не от мира сего, искренне преданным христианской вере, и это похоже на правду. Но ему казалось, что побороть нездоровую склонность императрицы к женскому мистицизму легче всего с помощью незатейливой, но сильной веры в Бога, которой обладают простые люди. Ум епископа сильно уступал его святости. Именно Феофан решил, что Григорий Распутин является воплощением крестьянского религиозного примитивизма.

Распутина сделали «придворным ламповщиком», отвечавшим за поддержание огня в лампадах, всегда горевших перед иконами, и за хранение коллекции редких икон, написан-

ных старыми мастерами. Против назначения его на эту должность возражали многие женщины, совращенные Распутиным, а затем освободившиеся от его гипнотического влияния и увязшие в политических, административных и судебных дрязгах.

Наконец царица родила сына. Но ее радость была испорчена с самого начала. Ребенок был неизлечимо болен гемофилией – болезнью, при которой малейшая царапина приводит к сильному кровотечению. Здесь медицина была бессильна; оставалось надеяться лишь на чудо. Распутин предложил сотворить такое чудо, и императрица алчно клюнула на приманку.

Распутин, как большинство подобных людей, обладал неосознанным магнетизмом. Силу его внушения испытывали на себе женщины, которые, несмотря на душевные страдания и остатки собственной воли, делали все, что он хотел. Это внушение ощущали даже такие высокопоставленные люди, обладавшие сильной волей, как Столыпин. Однажды Столыпин послали припугнуть Распутина и заставить его убраться из Петербурга. После этого Столыпин рассказывал Родзянко: «Он уставил на меня свои белесые глаза, начал бормотать таинственные и бессвязные фразы из Писания, делать странные пассы руками, и внезапно я почувствовал невыносимое отвращение к тому, что надвигалось на меня. Но я понял, что этот человек обладает мощным гипнотическим даром и сознательно внушает мне сильное психическое чувство отвращения. Поэтому я взял себя в руки и прикрикнул на него...»

Родзянко описывает свою встречу с этим грубым мужицким Калиостро очень похоже: «Распутин повернулся, и его глаза начали блуждать по мне: сначала по лицу, потом в области сердца, а потом снова по лицу. Так продолжалось несколько секунд. Я не подвержен действию гипноза (проверял это много раз), но тут ощутил влияние какой-то огромной и непостижимой силы. Я почувствовал, как во мне возник чисто звериный гнев, к сердцу прихлынула кровь, и понял, что близок к настоящему безумию. В свою очередь я посмотрел Распутина прямо в глаза и ощутил, что мои глаза буквально вылезают из орбит».

Императрица смотрела в эти белесые глаза с надеждой, на первых порах робкой, а затем все более и более исступленной. Распутин поступал очень мудро: он появлялся вскоре после того, как ребенку оказали медицинскую помощь, но лекарство еще не успело подействовать. Поэтому улучшение состояния цесаревича неизменно приписывали его влиянию. Однажды царский хирург Федоров пришел в ужас, увидев, что стерильные бинты и прочие материалы, которые он приготовил в операционной для больного ребенка, накрыты грязной поддевкой, которую Распутин снял со своего плеча; таким образом он призывал на предстоящую операцию благословение небес.

Распутин умел развлекать и смешить мальчика. Кроме того, при нем императрица оставалась совершенно спокойной. Сила внушения, которой обладал «придворный ламповщик», прекращала ее приступы истерии.

Вся ее жизнь заключалась в больном маленьком наследнике престола, который был не только ее сыном, но воплощением императорской власти. В каком-то смысле муж также был ее духовным сыном, за которого она постоянно переживала и болела душой. Чувства к двум созданиям, связанным друг с другом благодаря ей и находившимся перед ней в неоплатном долгу, слились в одно. Если бы эти люди умерли, у нее не осталось бы ничего. Такая любовь исключает возможность интимной связи с Распутиным, слуху о которой охотно верили и завсегдатаи петербургских салонов, и подавляющее большинство населения России. Но сам Распутин так высоко не метил. Этот неутомимый распутник ограничился тем, что соблазнил в императорских покоях лишь особу своего ранга: няню детей правящей четы. Когда со временем няню тихо убрали из дворца, она продолжала ныть, что царских детей нужно вырвать «из когтей этого дьявола».

По отношению к царице Распутин вел себя так, что она могла поверить в его чистоту и святость. Для Александры Федоровны он был человеком, посланным ей Провидением, ангелом-хранителем ее обожаемого сына – того самого взрослого коронованного ребенка, к кото-

рому Распутин испытывал тревожную отцовскую любовь. Однажды царь и царица вместе читали французскую мистическую книгу, называвшуюся «Друзья Бога». Там говорилось, что иногда небеса посылают на землю «божьих людей», которые должны руководить земными владыками и служить посредниками между ними и небесами. Именно таким человеком был спирит Филипп. Он подарил царице икону с колокольчиками, звон которых должен был предупреждать ее о приближении опасных людей, враждебно настроенных к трону. Но Распутин пошел еще дальше. Он подарил царице образ Николая Чудотворца, который следовало держать в руках перед каждой важной встречей. Еще одним его подарком стал посох из Нового Афона с изображением рыбы, держащей птицу; в одной руке нужно было держать его, а в другой – посох, освященный прикосновением спирита Филиппа. Кроме того, он подарил царице свой гребешок. Перед важными встречами император должен был несколько раз провести этим гребешком по волосам, что должно было резко повысить его проницательность. Кроме того, у императрицы была большая коллекция подаренных Распутиным образков, каждый из которых обладал магической силой, и амулетов (в их числе были засушенный букетик ландышей, хлебная корочка и пустая бутылочка из-под мадеры – естественно, «вина не обычного, а чудодейственного»).

Императрица, которую придворные называли «гениальной женщиной» и сравнивали с Екатериной II, которая получила прекрасное образование, говорила на нескольких языках, поддерживала близкие отношения со сливками современной литературы и искусства, под влиянием Филиппа и Распутина стала верить во всякую чушь вроде счастливых и несчастливых дней, предсказаний, вещих снов самого Распутина, с которым следовало обсуждать всякое действие, в том числе и наступление на фронте.

В эпизоде с Распутиным действительно было нечто роковое. Но дело заключалось не в том, что «жена Цезаря, которая должна быть выше подозрений», приблизила к себе грязного авантюриста, пользовавшегося скандальной славой. Трагедия была в том, что царь и царица, толпы министров и князей церкви, духовно бедные и обладавшие низким самосознанием, в самый решающий момент мировой истории держали в своих руках судьбу колоссальной страны, раскинувшейся от полярных льдов до выжженных солнцем степей Средней Азии и от Балтики до Тихого океана.

Глава 2

ПОСЛЕДОВАТЕЛИ РАСПУТИНА И СЕПАРАТНЫЙ МИР

Распутин обладал влиянием, не имевшим себе равных. Царица верила каждому его слову и, в свою очередь, влияла на политику мужа. Но чего хотел сам Распутин? Какой политики он ждал от правительства? Политиком в полном смысле этого слова он не был. Этот авантюрист просто стремился избавиться от тех, кто не любил его, и возвысить тех, кто защищал его или искал его милостей. Великому князю Николаю Николаевичу претили его эскапады, и с помощью царицы Распутин добился его снятия с поста главнокомандующего и замены его самим царем. Этот шаг возмутил руководство Антанты и порадовал немцев.

Некоторые духовные лидеры церкви хотели отлучить Распутина и предать его анафеме за разврат. Но он добился «августейшего повеления», согласно которому этих людей, в нарушение всех канонов, отправили в ссылку. Для этого оказалось достаточно рапорта «серого кардинала» – прокурора Священного синода. Оставалась Государственная дума. Ее беспомощность по контрасту со всемогуществом темного авантюриста все более возбуждала общественное мнение. Распутин натравил на Думу царя, и тот беспощадно подавил последние ростки конституционализма, которые в интересах сохранения царизма посеял не кто иной, как махровый контрреволюционер Столыпин.

Когда влияние Распутина успешно прошло проверку, его дом и различные квартиры в аристократических районах Петербурга, в которых происходили его гомерические оргии, наполнились пестрой толпой просителей, интриганов, карьеристов, авантюристов, шпионов, маклеров, биржевых спекулянтов и, наконец, людей, мечтавших о министерских портфелях. Всем требовалась рекомендация Распутина, словечко, замолвленное в нужный момент, или безграмотная записка, адресованная кому-то из высокопоставленных особ. Все обделывали с его помощью свои грандиозные аферы и мелкие делишки. Однако за помощь Распутина требовалось платить. Все пытались что-то шепнуть ему на ухо, что-то выведать у него или заставить его что-то сделать. Но этот хитрый комедиант никого не слушал. Мало-помалу он создавал свою собственную странную «теплую компанию», состоявшую наполовину из политиков, наполовину из спекулянтов. В этой банде Распутин был царем и богом. Ее члены были тесно связаны круговой порукой; они помогали друг другу карабкаться вверх и убирать все препятствия с пути своего оракула. Этой клики боялись все. Кое-кто пытался закулисно интриговать против нее, но дело обычно кончалось неким тайным соглашением.

Тем временем продолжалась веселая игра в «министерскую чехарду». Один «калиф на час» сменял другого. Ловкие акробаты карабкались по спинам других людей, предлагали друг другу поддержку, топтали тех, кто спотыкался, затем спотыкались сами и падали. Некоторые наиболее уважаемые консерваторы вроде Родзянко пытались довести до царя весь ужас ситуации. Но царь искренне не понимал этого. Кое-кто из великих князей начинал бояться, что Николай приближается к краю пропасти, куда потянет за собой и всех членов царской семьи. Царь злился. В Думе произносили гневные речи даже такие реакционные монархисты, как Пуришкевич. Царь напрягался и готовил указ о роспуске Думы. Последний буфер между властью и безмолвствовавшей, но возбужденной страной мог быть уничтожен в любой момент.

И в армии, и в тылу, в студенческих аудиториях и крестьянских избах звучит слово «измена». Оно становится особенно слышным после очередного поражения. Это неизбежный спутник деморализации. Цель для подозрений существует и сама напрашивается быть

атакованной. Императрица – немка, которая действует в пользу «своих», она готовится предать союзников и заключить сепаратный мир. Через царицу враги узнают самые важные военные тайны. Сторонники Распутина намеренно разваливают государственную власть. Даже много лет спустя Родзянко решительно утверждал, что «кружок Распутина находился под несомненным вражеским влиянием и служил интересам Германии».

Теперь мы знаем (во всяком случае, практически), насколько справедливы были эти подозрения¹.

16 августа 1916 г. в личном письме к царю английский король указал на высокую активность германских агентов в России. Николай не стал отрицать их существование и пообещал «заняться ими», однако добавил: «Я думаю, существует более серьезное явление, требующее постоянной борьбы: деятельность некоторых банков, которые до войны находились в руках немцев; их невидимое, но сильное влияние сказывается в медленном выполнении заказов на военную технику, боеприпасы и так далее».

Хотя российский капитализм, и в частности финансовый капитализм, был в каком-то смысле «дочерней фирмой» капитализма Антанты, однако у германского капитализма была своя сфера влияния. Участие германского капитала было особенно сильным в Петроградском международном банке (директор А.И. Вышнеградский), который принадлежал компании «Дисконтогезельшафт»; в Русском внешнеторговом банке, зависевшем от берлинского «Дойче банка»; и, наконец, Русско-Азиатский банк (находившийся под управлением А.И. Путилова, причем в совет директоров входил и Вышнеградский) имел давние связи с немецким банкирским домом «Варбург и компания», а также с Крупным. Из этих трех банков два первых осуществляли контроль над значительной частью российской металлургии (текстильная промышленность входила в сферу влияния Антанты). Кроме того, немецкая электротехническая компания «Сименс унд Гальске» открыла в Петербурге свой филиал, называвшийся «Электрическим обществом-1886». Вместе с компанией «Альгемейне электрицитетсгезельшафт» (Ратенау), проникшей в Россию позже, они создали Русский электрический синдикат, который покрыл всю Россию линиями электропередачи, протянутыми по определенному плану. Таким образом, немецкий капитал имел в довоенной России сильные позиции. Его щупальца дотягивались до разных политических групп и людей, пользовавшихся влиянием в правительстве и обществе. Именно к ним вели многочисленные ниточки, за которые дергал тот, кто стремился подорвать симпатии к Антанте и подтолкнуть Россию к заключению сепаратного мира с Германией.

В воспоминаниях Вильгельма II указывается, что посол Мирбах сообщил ему о меморандуме, переданном царю в 1914 г. графом Коковцевым, бывшим министром финансов, пользовавшимся большим авторитетом в российских банковских кругах. В этом меморандуме граф возражал против войны и выступал за тесные связи с Германией. Он предсказывал, что «война закончится поражением и приведет к падению династии». Гельферих, один из наиболее активных руководителей «Дойче банка», описывает шаги, предпринятые в самый канун войны русской «партией мира» во главе с Коковцевым. Стремясь заключить мирное соглашение с немецкими финансовыми кругами, эта партия отправила в Берлин своего эмиссара Л.Ф. Давыдова, занимавшего видный пост в Русском внешнеторговом банке. В случае начала войны эти круги должны были внешне хранить молчание, но ждать благоприятной возможности для приближения ее конца и нового объединения усилий.

Возможно, роль главного агента здесь сыграл известный финансист Манус. Согласно воспоминаниям бывшего французского посла в России Мориса Палеолога, Манус «поддерживал регулярную связь со Стокгольмом (иными словами, с Берлином)» и был «главным распространителем немецких субсидий в России». Каждую неделю Манус устраивал прием для Распутина и других лиц, связанных с фрейлиной Вырубовой, а через нее – с самой императрицей.

В соответствии с государственным законом о конфискации немецкой собственности Московская городская дума долго, но тщетно добивалась закрытия «Электрического общества-1886». Это общество, в то время значившееся швейцарским, защищал известный сторонник Распутина князь Андронников. Закрыть это общество так и не удалось; напротив, в конце 1916 г. оно получило гарантию правительства о предоставлении ему банковской ссуды в четыре миллиона рублей. В Думе вызвала сенсацию речь правого депутата Хвостова, направленная против «немецкого засилья» и постоянно увеличивавшегося тайного влияния германского капитала на жизнь России. Хвостов угрожал новыми разоблачениями, особенно относившимися к электротехнической промышленности. Но разоблачений не последовало. Андронников через Распутина, Вырубову и императрицу сделал Хвостова министром. «Целью этого назначения, – впоследствии заявил Хвостов следственной комиссии, – было желание избежать моих речей о германском капитале и особенно об электротехнической промышленности». Затем Хвостов сделал министром финансов своего родственника Татищева. За это Татищев дал Распутину взятку в 100 000 рублей; во всяком случае, так утверждает сообщник Распутина, бывший директор департамента полиции Белецкий. Позже Татищев попал под следствие и был обвинен в «оказании помощи врагу». Но Татищев дал ставленнику Распутина Протопопову еще 100 000 рублей на покупку муки для мифических «магазинов Общества борьбы против высокой стоимости жизни», после чего Протопопов передал дело Татищева ангелу-хранителю последнего Белецкому «для наблюдения за ходом следствия».

Возможно, самой зловещей фигурой кружка Распутина был Манасевич-Мануйлов. Доклады бывшего министра иностранных дел Извольского показывают, что этот человек действовал как агент германского посла Пурталеса, совершившего неудачную попытку купить за 800 рублей ведущего журналиста газеты «Новое время». Когда Манасевича-Мануйлова привлекли к суду за шантаж и взяточничество, Николай II по просьбе царицы лично приказал закрыть дело. Под предлогом «отсутствия улики» его положили под сукно и так и не возобновили.

На фоне немецких козней и бессилия властей история дворцовой интриги и наглого шпионажа с целью заключения сепаратного мира выглядит просто фантастической.

Действия в пользу сепаратного мира осуществлялись по двум направлениям: индустриально-финансовому и династически-дипломатическому.

Начнем с первого. В начале июня 1915 г. в Стокгольме объявился директор «Дойче банка» Монкевиц. Он встретился с российским промышленником, «одним богатым русско-польским евреем» со связями в Берлине (видимо, Манусом). Через последнего Монкевиц довел до сведения русского посла свое пожелание, «чтобы два человека могли как можно скорее тайно встретиться в Москве или Копенгагене; при этом немецкую сторону будет представлять либо Бодельсон², либо Варбург³, а русскую – видный финансист...» (фамилия отсутствует); целью этой встречи будут частные переговоры о мире «без ведома официальной дипломатии обеих стран». Русский посол тут же доложил об этой встрече тогдашнему министру иностранных дел Сазонову, добавив от себя, что речь идет о «прямом предложении» сепаратного мира и что это предложение достаточно серьезно, потому что «директор «Дойче банка» Монкевиц действовал явно не от своего лица». Фамилии «русского промышленника» и «видного финансиста» так и остались неизвестными, но не вызывает сомнений, что эти люди принадлежали к промышленным и финансовым кругам, которые до войны контролировались германским капиталом.

² Шведский финансист прогерманского толка.

³ Гамбургский банкир, связанный с А. И. Путиловым и выполнявший дипломатические поручения.

Сазонов относился к идее сепаратного мира резко отрицательно. Однако не прошло и года, как проект Монкевица оказался близким к осуществлению. В конце марта 1916 г. в доме германского посла в Стокгольме фон Люциуса состоялась беседа между Стиннесом и японским послом. Стиннес предложил, чтобы «влиятельные представители России, Японии и Германии встретились для обмена мнениями об условиях мирного договора». Стиннес, глава немецкого электротехнического треста, был тесно связан с Россией благодаря филиалам своего треста и Международному банку А.И. Вышнеградского.

А затем в Стокгольме состоялась якобы случайная встреча немецкого банкира Варбурга и члена возвращавшейся из Лондона российской «парламентской делегации», заместителя председателя Думы Протопопова. Кроме того, Протопопов был председателем Совета металлообрабатывающей промышленности, которая контролировалась банками, зависевшими от германских синдикатов. С Протопоповым был «видный финансист» и нефтяной король Поляк, а также шведский банкир Ашберг. Варбург пытался убедить собеседников, что Англия всегда обманывала своих союзников, делает это и сейчас и в одиночку пользуется преимуществами войны. Поэтому России выгоднее дружить с Германией. Он подчеркивал «естественность» условий сепаратного мира: Польша будет восстановлена на землях, принадлежащих российской короне, согласно этнографическим границам; Курляндия перейдет к Германии, а Россия получит взамен Буковину (часть Галиции) и черноморские проливы – конечно, если сумеет отобрать их у турок с помощью военной силы. Красной нитью доводов Варбурга была игра на тщеславии царя: «Англия хочет доминировать и сломить волю русского царя, запрещая ему заключение сепаратного мира»⁴. Если верить Протопопову, на том беседа и закончилась.

Вернувшись в Петроград, Протопопов рассказал о своей беседе с Варбургом Милюкову и попросил совета, как лучше сообщить об этом царю. Милюков «испугался и сказал, что к этому предложению нужно отнестись всерьез». Он убеждал Протопопова описать царю стокгольмский эпизод как «не имеющий большого значения случай из жизни туриста». Протопопов выслушал совет, но поступил как раз наоборот – «придал ему большое значение и довел до сведения императора». Действительно, в письме Николая II жене от 20 июля 1916 г. содержится туманное упоминание о Протопопове: «Он был за границей с другими членами Думы, рассказал мне много интересного... и очень меня обрадовал».

Беседа с Варбургом стала для Протопопова началом карьеры: вскоре он сделался не только министром, но и фаворитом Распутина и императрицы. Эти последние начали кампанию столь секретную, что в личных письмах называли Протопопова конспиративной кличкой Калинин. Когда они наконец достигли цели, императрица написала мужу: «Благослови тебя Бог за выбор Протопопова – наш Друг говорит, что ты поступил очень мудро, назвав его имя». Протопопов тут же начал переговоры с банкирами, коммерсантами и промышленниками, которые могли способствовать его продвижению вверх. С согласия властей он хотел создать в следующей Думе компактную группу представителей этих кругов, насчитывающую от пятидесяти до восьмидесяти членов. «Центрами их предвыборной кампании станут провинциальные отделения частных банков» (в то время их насчитывалось около тысячи двухсот); некоторые частные банки уже предложили создать фонд избирательной кампании в размере двух миллионов рублей, предназначенный для обеспечения соответствия их ставленников требованиям, предъявляемым к кандидатам⁵, и, «возможно, для покупки голосов».

⁴ Не следует забывать, что у Варбурга, подстрекавшего царя против Англии, были влиятельные союзники. 5 июня 1916 г. императрица писала мужу о Вырубовой: «Она забыла передать тебе слова нашего Друга [Распутина. – *Примеч. авт.*], что смерть Китченера нам на руку [так! – *Примеч. авт.*], поскольку впоследствии этот человек мог причинить России большой вред, и что вредные договоры теперь подписаны не будут. Понимаешь, он всегда боится того, как поведет себя Англия в конце войны, когда начнутся мирные переговоры».

⁵ Например, для того, чтобы быть избранным, требовалось пройти имущественный ценз, то есть обладать определенной

Теперь Протопопов стал одной из центральных фигур клики, сплотившейся вокруг Распутина. В канун Февральской революции императрица писала царю о своем близком друге, видном стороннике Распутина Н.Н. Саблине: «Сегодня вечером он обедает с Маклаковым [царским министром, которого не следует путать с правым кадетом, известным адвокатом В.А. Маклаковым. – *Примеч. пер.*], Калинин [то есть Протопоповым. – *Примеч. пер.*], Римским-Корсаковым и другими у Бордукова». Бордуков был посредником между Татищевым и Протопоповым, передавшим последнему 100 000 рублей на покупку пресловутой «муки». Римский-Корсаков являлся одним из вождей черносотенного Союза русского народа, во время войны ставшего «германофильским». Согласно сообщениям французской прессы, в конце 1914 г. Маклаков вместе с Щегловитовым и бароном Таубе представил Николаю меморандум о необходимости прекратить войну. В начале февраля 1917 г. он прозрачно намекнул царю, что правительство должно «восстановить порядок в стране *любой ценой* и победить *внутреннего* врага, который стал более сильным и опасным, чем *враг внешний*».

Это высказывание позволяет понять тактику распутинской клики, с самого начала борющейся за смещение Николая Николаевича с поста главнокомандующего. Злобная и подозрительная Александра Федоровна действительно убедила себя, что Николай Николаевич пытался завоевать военную популярность, чтобы отнять трон у ее незадачливого мужа. Однако за нашептываниями Распутина стояли реальные интересы реальных экономических групп. В мемуарах бывшего германского кронпринца описываются шаги, предпринятые Германией весной 1915 г. с целью заключения сепаратного мира. Кронпринц пишет: «Главная трудность заключалась в том, что великий князь Николай Николаевич все еще сохранял власть». Действительно, пока великий князь оставался на своем посту, сменить лозунг «война до победного конца» было невозможно. Поэтому сторонники сепаратного мира должны были сначала во что бы то ни стало устранить Николая Николаевича. Родзянко, из всех сил пытавшийся уговорить царя не брать на себя обязанности главнокомандующего, говорил прямо: «Люди станут объяснять это решение влиянием окружающих вас немцев, которые, по всеобщему убеждению, связаны с нашим врагом и изменяют России». Составленные Яхонтовым протоколы тайных совещаний Совета министров показывают, что там на них с тревогой обсуждали вопрос, подчинится ли великий князь Николай Николаевич решению царя, или всемогущая ставка устроит государственный переворот. После острого конфликта с председателем восемь министров обратились к царю с просьбой не смещать Николая Николаевича. Они пытались напугать императора «опасностью серьезных последствий этого шага» как для него лично, так и для династии в целом, и подкрепили эту просьбу своей коллективной подачей в отставку.

Немецкое военное командование было так хорошо осведомлено о разногласиях в русском правительстве, что попыталось усилить раскол с помощью фальшивого царского манифеста, адресованного солдатам. Однако российские власти тщательно собрали все экземпляры этого манифеста и скрыли их от народа. Там говорилось следующее:

«Солдаты!

В наиболее трудный момент своей жизни царь обращается к вам, моим солдатам.

Эта несчастная война началась против моей воли: она была вызвана интригами Николая Николаевича с его сторонниками, желавшего отстранить меня, чтобы впоследствии занять трон. Я ни в коем случае не стал бы объявлять войну, если б знал ее печальные последствия для матушки России, но мой завистливый родственник и продажные генералы мешают мне

пользоваться властью, данной мне Господом, и я, опасаясь за собственную жизнь, вынужден выполнять все их требования.

Солдаты! Не слушайтесь приказов своих продажных генералов и поверните оружие против тех, кто угрожает жизни и свободе вашего царя и безопасности вашей любимой родины.

Ваш несчастный царь, *Николай*»².

Следующая кампания партии императрицы и Распутина была направлена против восьми министров, сопротивлявшихся смещению главнокомандующего; эти люди были уволены один за другим. В конце концов пришла и очередь Сазонова. Британский посол Бьюкенен расстался с выжидательной позицией; в секретной телеграмме он просил царя «взвесить серьезные последствия, которые отставка господина Сазонова будет иметь для важных дипломатических переговоров, ведущихся в настоящее время, и еще более важных переговоров, которые потребуются вести в ходе войны». Но вопрос был уже решен. Сазонова должен был заменить Штюмер. Самую горячую дискуссию вызвал вопрос, стоит ли рискнуть и сразу назначить на этот пост человека с немецкой фамилией или сначала дать ему возможность сменить ее. Впоследствии Штюмер так и сделал, взяв себе старинную аристократическую фамилию Панин. Естественно, эти переговоры были тайными. «Я хочу этого назначения, но если оно произойдет, это станет громом среди ясного неба», – писал Николай жене. Так оно и вышло. Бывший немецкий кронпринц пишет:

«Наиболее благоприятный момент для заключения мира с Россией наступил в конце лета 1916 г., когда военное положение России было очень плохим. Именно в этот момент царь назначил Штюмера главой министерства иностранных дел; несомненно, последний был настроен в нашу пользу. Я расценил это назначение как явный знак желания начать мирные переговоры».

Штюмер тут же поставил все точки над «i». Он начал всячески тормозить публикацию соглашения с Англией по поводу Константинополя и манифеста о Польше, причем делал это по распоряжению царя, поскольку данные документы никак не способствовали заключению сепаратного мира. Согласно Бетману-Хольвегу, в немецких политических кругах придерживались мнения (которое последний не разделял), что сепаратный мир с Россией «практически предрешен» и сорвать его может только «крайне неуклюжая дипломатия».

Но немецкая дипломатия действительно оказалась «крайне неуклюжей». В отличие от Штюмера, германское правительство опубликовало сообщение о создании Польского королевства под протекторатом Германии. Эрцбергер назвал это «настоящей политической катастрофой», похоронившей «уникальный шанс на заключение мира».

Но российские германофилы отнюдь не считали, что все потеряно. Сторонники императрицы и Распутина старались создать сильное правительство, которое могло бы освободиться от надзора думских партий, выступавших за сохранение союза с Антантой. Кружок сенатора Римского-Корсакова, к которому принадлежали министры Маклаков и Штюмер и с которым был тесно связан Протопопов, подготовил меморандум, предусматривавший роспуск Государственной думы, радикальный пересмотр основных законов и превращение Думы в чисто совещательный орган, объявление военного и даже осадного положения в главных городах страны, закрытие всех левых газет и перевод на казарменное положение всей оборонной промышленности. Члены будущего «сильного правительства» должны были «поклониться государю не жалеть жизни в предстоящей борьбе, заранее указать своих преемников и получить от монарха всю полноту власти».

1 февраля атаман казаков Груббе представил царю план борьбы с «серьезными нарушениями порядка», которые «неминуемо будут сопровождать демобилизацию огромной армии» и «могут перерасти в мятеж». Главную роль в наведении порядка он отводил казакам.

Царизм скрытно, но очень серьезно готовился к прекращению борьбы на фронте и переносу ее в тыл. Однако открытый призыв Ленина к «превращению мировой войны в гражданскую» вызывал у монархистов страшную злобу.

Думские партии прекрасно знали о планах reactionеров заключить сепаратный мир. От имени московского Всероссийского совещания председателей земских управ князь Львов заявил: «Мучительные, ужасные подозрения в измене, в наличии тайных сил, работающих в пользу Германии и готовящих позорный мир, который уничтожит единство народа и вызовет раскол общества, ныне перешли в полную убежденность, что вражеская рука тайно влияет на государственную политику». Центральный комитет Союза городов публично обвинил известные силы, враждебные России, в намеренном саботаже национальной обороны. Все эти организации и их лидеры не посмели назвать имя, но оно вертелось у военного командования на кончике языка. Позже, весной 1917 г., генерал Деникин «задал этот мучительный вопрос» начальнику штаба главнокомандующего Алексееву. Последний «туманно и неохотно ответил: «Во время разбора бумаг императрицы нашли карту с подробной дислокацией частей на всем фронте, составленную только в двух экземплярах. Один был предназначен для меня, второй – для императора. Я был раздавлен. Этой картой мог воспользоваться кто угодно». К сказанному он не добавил ни слова и тут же сменил тему»³.

Однако гипотеза о «шпионаже императрицы» в пользу Германии не подтвердилась. Созданная Временным правительством комиссия Муравьева, в которую входили и представители Советов, не смогла доказать это. По нашему мнению, опубликованная переписка Александры Федоровны с Николаем исключает такую возможность. Конечно, у императрицы «разрывалось сердце» от мысли, что ее муж, сын и она сама находились на стороне России, в то время как ее отец, брат, сестра и весь ее родной Гессен были в противоположном лагере. Если бы императрица время от времени не проклинала войну, она не была бы человеком. Осудить ее за это мог бы только самый закоренелый шовинист. Императрица была и оставалась немкой как по рождению, так и по образу мыслей. Но это не значит, что душой она всегда была на стороне Вильгельма. Точнее, она жалела не столько Германию, которая была для нее чисто абстрактным понятием, сколько свою «малую родину», свой Гессен, к которому Вильгельм, обуянный идеей пангерманизма, по ее мнению, относился жестоко. Как немка, она была безнадежно провинциальна. Ее душа тянулась ко всем этим Гессенам, Мекленбург-Штрелицам, Мекленбург-Шверинам, Шварцбург-Зондерхаузенам и Шварцбург-Рудольштадтам, карликовым княжествам и герцогствам, правители которых исправно поставляли невест (одной из которых являлась она сама) на брачную ярмарку европейских коронованных особ. Родственные чувства императрицы так же мешали ей желать победы «Ники» над Вильгельмом и Францем-Иосифом, как чувства бывшей принцессы Ангальт-Цербстской, ставшей русской императрицей Екатериной II, мешали последней осуществлять агрессивную внешнюю политику по отношению к своим западным соседям. Каждая неудача России заставляла «ее кровь кипеть при мысли о том, какую злобную радость эта неудача вызывала в Германии». Она задыхалась от негодования, когда русские войска были вынуждены оставить Галицию и ликующий Вильгельм, возможно, провел ночь на «той самой кровати старого Франца-Иосифа», на которой спал Николай, будучи в Лемберге (Львове). Ее приводила в восторг мысль о том, что в Константинополь, взятый русскими войсками, первым войдет полк, носящий ее имя. «Ах, поскорее бы настал день, когда в храме Святой Софии вновь прозвучит вечерня!» Она была уверена, что Николай I благословит из гроба своего правнука, отомстившего Австрии за предательство и объединившего под своим скипетром все древние славянские земли.

Императрица была не пангерманисткой, а панслависткой, но необычного толка. Она была патриоткой не своей страны, а всего лишь династии, членом которой стала. Ее панславизм был предлогом для распространения власти этой династии; «расширение подвласт-

ных территорий всегда было любимым занятием правителей». При этом никакой любви к славянам она не испытывала. «Я бы хотела, чтобы эти балканские страны провалились сквозь землю, – откровенно писала она мужу. – Россия всегда была им любящей матерью, а потом они вероломно отворачивались от нее». Во время трагедии Сербии она тоном ментора заявляла: «Это наказание стране, которая убила своего короля и королеву». Когда австрийцы оккупировали Цетинье [столицу Черногории. – *Примеч. пер.*], она мстительно писала: «Теперь король [Черногории. – *Примеч. пер.*], его сыновья и здешние черномазые дочери [речь идет о принцессах Стане и Милице, женах двух великих князей, настроенных против Распутина. – *Примеч. авт.*], так безумно хотевшие этой войны, заплатят за все свои грехи против Бога и тебя, потому что они боролись с нашим Другом, хотя прекрасно знали, кто он такой».

На самом деле императрица никого не любила и никому не симпатизировала. Для этого ее сердце было слишком тесным. Итальянцев она считала «мерзкими эгоистами», французов – способными заключить сепаратный мир за спиной России и за счет последней, а от корыстных англичан ожидала «ужасных сложностей» при заключении мира.

«Fiat dynastia – pereat mundus!» [«Пусть торжествует династия, даже если рухнет мир!»] Парафраз латинской пословицы: «Пусть торжествует правосудие, даже если рухнет небо!» – *Примеч. пер.*]

«Пацифизм» Распутина был намного более стойким и более расчетливым. В воспоминаниях французского посла Палеолога цитируются слова яростной сторонницы Распутина Вырубовой: «Если бы этот святой человек появился здесь раньше, войны бы не было. Я не знаю, что бы он сделал или посоветовал, но Господь вдохновил бы его... Какое несчастье, что в нужный момент он отсутствовал и не успел просветить императора». После возвращения в Петербург Распутин говорил о войне «только загадочными и апокалиптическими фразами, намекая, что он не одобряет ее и предвидит большие несчастья». После военных поражений царица неизменно напоминала царю о предсказаниях Распутина: «Наш Друг всегда был против этой войны, говорил, что за Балканы сражаться не стоит и что Сербия окажется такой же неблагодарной, как и Болгария».

Однако все это можно объяснить обычным узколобым и эгоистичным национализмом. Императрица разделяла точку зрения Распутина лишь время от времени, главным образом после военных поражений. Зато победы вдохновляли Александру Федоровну и заставляли мечтать о лавровом венке для ее несчастного мужа, «словно и впрямь родившегося в день многострадального святого Иова». Если бы она с самого начала была против войны с Германией и желала последней победы, то вела бы себя по-другому и пользовалась бы предоставлявшимися ей многочисленными возможностями.

10 сентября 1914 г. Палеологу из Биаррица позвонил Витте. «Он сказал мне, что вступление России в войну было безумием... Война разрушит Россию. Пожать плоды победы смогут лишь Франция и Англия... Ни один разумный человек не станет воевать за эти беспокойные и тщеславные Балканы, где давным-давно не осталось никаких славян, а есть только крещенные по ошибке турки». Витте не привлекала перспектива объединить всю Польшу под скипетром России, потому что объединенная Польша доставила бы куда больше хлопот, чем разделенная. Завоевание Дарданелл было делом еще более рискованным; их было бы трудно защищать, причем защита потребовалась бы двойная, поскольку желающих отобрать их хватило бы с избытком. Если победит Антанта, «вся Центральная Европа превратится в сплошную республику, и это станет концом эры русского владычества. Что же касается последствий поражения, то я предпочитаю о них не говорить».

Изо всех государственных деятелей того времени лишь Витте набрался мужества заявить публично: «Я могу сделать только один практический вывод: эту безумную авантюру нужно закончить как можно скорее».

Палеолог боялся, что первые военные неудачи пойдут Витте на пользу: «Этот человек обладает нерастроченной энергией; его снедают честолюбие, обида и высокомерие». Будь царица тайной германофилкой, она быстро забыла бы свои старые обиды на Витте и постаралась его использовать. Но она была отравлена патриотическим угаром. Палеолог замечает: «Лицо царя сияло. Вся фигура императрицы выражала радостный экстаз... Императрица мало говорит, но ее напряженная улыбка и странный магнетический взгляд выражают внутренний энтузиазм». Посол не ошибся. Письма царицы к мужу выражают ее ликование: «С точки зрения морали это здоровая война... Она подняла воинский дух, покончила с умственным застоєм и объединила чувства людей».

Сторонницей идеи сепаратного мира царица стала позже, когда иллюзия победы растаяла как мираж, оставив после себя разочарование и безверие. Переписка царственной четы ясно показывает, какие усилия предпринимала Германия, чтобы заключить мир с Россией.

Одно предложение было сделано через статс-даму императрицы, Марию Васильчикову⁴. В момент объявления войны она гостила у своих знатных австрийских родственников и застряла в Австрии. Там ей нанесли визит три человека из придворных кругов Вены и Берлина, не имевшие отношения к официальной дипломатии. Позже Васильчикову с согласия Вильгельма II вызвали в Берлин для встречи с тогдашним министром иностранных дел фон Яговом. Она должна была довести до сведения российской общественности, что «никто в Германии и Австрии не испытывает ненависти к России» и что «величайшую ненависть немцы испытывают только к Англии». Подавляющее большинство немцев и австрийцев мечтают заключить с Россией прочный мир и создать «союз трех императоров». В этом союзе царю будет предоставлена почетная миссия на Дальнем Востоке. «Эта желтая раса способна на все, и только Россия может стать стеной на ее пути». Что же касается Дарданелл, то «царю достаточно выразить желание, чтобы России был тут же предоставлен свободный проход через этот пролив». После этого Васильчикова написала письмо императору, в котором сообщала: «Меня просили сообщить Вашему Величеству то, что стало известно из очень тайных источников: Англия собирается оставить Константинополь за собой и создать в Дарданеллах новый Гибралтар; кроме того, в данный момент между Англией и Японией идут тайные переговоры о том, чтобы оставить Маньчжурию за последней».

Первые попытки Васильчиковой ни к чему не привели. Антанта, которая, в отличие от Германии, с Турцией связана не была, могла предложить больше. 3 мая 1915 г. Николай лично сообщил Палеологу, что он намерен принять «радикальное решение, касающееся Константинополя и черноморских проливов». Это было очень похоже на ультиматум. Через неделю Сазонов представил союзникам меморандум, выдержанный в том же духе. Англия дала принципиальное согласие, но сохранила за собой право на соответствующую компенсацию. Франция же задержалась с ответом более чем на десять дней. В это время германский посол в Стокгольме фон Люциус сообщил шведской прессе слух о тайных переговорах между Англией и Францией, направленных на то, чтобы «не передавать России Константинополь». После этого Франция также дала свое согласие. Однако зерна сомнения, посеянные Васильчиковой, дали ростки. В ноябре 1915 г. на военной конференции союзников в Шантильи представитель России посоветовал союзникам эвакуировать их экспедиционный корпус, действовавший в Галлиполи. В секретной телеграмме генералу Алексееву объяснялась невысказанная причина такого совета: опасность «создания постоянного английского порта, нового Гибралтара, у входа в Средиземное море». Текст телеграммы настолько совпадает с текстом письма Васильчиковой, что это нельзя считать простым совпадением.

Тем временем Васильчикова продолжала бить в слабое место. Цитируя фон Ягова, она сообщила царю, что Англия, «несмотря на все ее обещания», решила не отдавать России Константинополь и проливы и, по мнению Германии, после войны предложит последней «использовать ее силы против России». Однако Германия предпочитает заключить с Россией мир, потому что «нуждается в сильной монархической России, а потому уверена, что две царствующие династии должны поддерживать старые монархические и дружеские связи... В Германии считают, что продолжение войны [Россией. – *Примеч. авт.*] опасно для династии»⁵.

В своем письме от 14 мая 1915 г. Васильчикова предложила сообщить услышанное ею «лично» и попросила срочно предоставить ей «возможность прибыть в Царское Село». Генералу Бонч-Бруевичу пришлось обратиться за разрешением к генералу Алексееву. Поскольку в списках вражеских агентов, подлежащих аресту, Васильчикова не значилась, такое разрешение было получено⁶. В Петрограде Васильчиковой приготовили специальные апартаменты. После этого она получила пропуск в Царское Село и передала царице письма от ее гессенских родственников.

Миссия Васильчиковой не была тайной. Эта дама считала себя дипломатом и писала письма Сазонову, другим министрам и даже Родзянко. В результате поднялся громкий политический скандал; чтобы замять его, Васильчикову лишили звания статс-дамы и сослали в черниговское имение ее сестры.

Ранее Александра Федоровна воспользовалась услугами некоего безымянного «американца из И.М.К.А.», который должен был совершить поездку в Германию. Она попросила этого американца увидеться с принцем Максом Баденским и принцессой Викторией и обсудить с ними внешне вполне невинный вопрос об обращении с русскими военнопленными. В Германии придали этой инициативе бывшей гессенской принцессы исключительно важное значение; это был первый контакт между двумя правящими династиями после начала войны. Все письма, полученные от «американца», «Макса» и «Вики», царица переправляла мужу. «Пожалуйста, не говори, – просит она, – от кого эти письма (можешь сказать только Николаше [великому князю Николаю Николаевичу. – *Примеч. авт.*] о Максе, который присматривает за нашими военнопленными). Их присылают на имя Анны [Вырубовой. – *Примеч. авт.*] через шведов⁶, но не через придворную даму [Васильчикову. – *Примеч. авт.*], потому что *никто не должен знать о них и даже об их посольстве*. Я не знаю, чего они так боятся. Я открыто телеграфировала Вики, поблагодарила ее за письмо и попросила передать мою благодарность Макс за все, что он делает для наших пленных». Наивность последней фразы выглядит наигранной, потому что в первых строчках царица просит мужа «никому не говорить» об этих письмах. В других случаях она также старается соблюдать конспирацию из страха перед гласностью. Например, сообщает царю, что «Митя Бенкендорф сказал Павлу [великому князю Павлу Александровичу. – *Примеч. авт.*], что Маша [Васильчикова. – *Примеч. авт.*] привезла письма от Эрни [брата царицы, эрцгерцога Гессенского. – *Примеч. авт.*]. Аня сказала, что она ничего не знала, и Павел подтвердил это. Кто ему сказал?» Позже царица собиралась встретиться с Павлом и «объяснить ему то, что ясно как день».

Через брата царицы, эрцгерцога Гессенского, была предпринята самая серьезная попытка установить контакт между двумя правящими династиями относительно заключения мира. 17 апреля 1915 г. царица написала мужу, что получила «длинное и очень хорошее письмо от Эрни». Эрцгерцог намекнул на то, что ждать от России военных успехов не приходится, и сообщил сестре, что «в Германии не испытывают настоящей ненависти к России». Ему хотелось бы «найти выход из этого положения»; он считает, что «кто-то должен начать строить мост через пропасть». Но кто подходил для этой роли больше, чем он

⁶ В личном письме Николаю II шведский король Густав V предложил ему свои услуги в качестве посредника.

сам, брат жены русского императора? Он решил «абсолютно приватно направить компетентного человека в Стокгольм» для встречи с доверенным лицом Николая, посланным таким же «приватным» образом, минуя министерские и посольские каналы. Царица пишет, что ее брат уже «послал одного господина, который приехал туда 28-го и уедет через неделю». Но дело приняло нежелательный оборот. «С тех пор прошло уже два дня, а я слышала об этом только сегодня» [17 апреля по старому стилю соответствует 30 апреля по новому. – *Примеч. авт.*]. Оставалось только пять дней, а царь находился в ставке. «Поэтому я тут же написала ответ (через Дейзи [шведскую кронпринцессу Маргериту. – *Примеч. авт.*]) этому господину, что ты еще не вернулся и что ждать не нужно, потому что хотя здесь многие стремятся к миру, однако время для него еще не настало... Я хотела все сделать до твоего возвращения, поскольку знала, что тебе это будет неприятно. Конечно, В. [Вильгельм. – *Примеч. авт.*] ничего об этом не знает».

Еще одна напускная наивность. Кто поверил бы, что при немецких представлениях о порядке какой-то эрцгерцог Гессенский осмелился бы без ведома Вильгельма II послать своего эмиссара для встречи с личным полномочным представителем российского императора? Конечно, эта акция была ясна как день. Великому князю Павлу Александровичу, тесно связанному с французским послом, царица сказала, что «Николай и во сне не видит мира, так как знает, что это означало бы революцию». Выяснилось, что Павел Александрович не только знал о письме Эрни, но даже слышал о «безумных германских условиях». Учитывая утечку информации, а также то, что было уже слишком поздно, ничего другого царица сделать не могла. И все же лед был сломан. Германская сторона узнала, что хотя «время для мира еще не настало», но к нему «стремятся многие».

Теперь мы знаем всех посредников в тайных переговорах о мире. Со стороны немцев это были «шведы», то есть члены шведской королевской семьи; никто другой не мог бы действовать через голову шведского посольства в Петрограде. Со стороны царицы действовали «Анна», «Мария», «Дейзи» и безымянный «американец из И.М.К.А.».

Однако у переписки царицы с царем есть и другая сторона, не менее важная, чем вопрос о мире. Императрица не раз надевает свои «невидимые брюки» и даже заправляет их в столь же невидимые сапоги, предлагая конкретные планы военных операций. Николаю следует «послать несколько казачьих полков вдоль реки» или «передвинуть нашу кавалерию немного севернее, в направлении Либавы». Она упоминает даже конкретные воинские части (вспомним рассказ генерала Алексеева о секретной карте с указанием дислокации русских частей). Она рассуждает о действиях гвардейских полков, «расположенных к югу от Келлера», какие резервы находятся в тылу там-то и там-то, кем подкрепить левый фланг, куда послать артиллерию и т. д. Возникает вопрос: откуда она черпала вдохновение? Ответ на него содержится в переписке царицы. Ей необходимо знать все «для нашего Друга, который может помочь». Она бранит царя, если тот «начинает наступление, не спросив совета у Распутина. Распутин думает обо всем и решает, когда для наступления настает подходящий момент. Или, как было в других случаях, когда наступление нужно остановить. В одном из писем императрица настаивает на том, что «Брусилову нужно немедленно приказать прекратить наступление на юг». Распутин не только думает обо всем, но и получает стратегические указания «сверху». Одно из писем императрицы особенно примечательно:

«Я должна передать тебе просьбу нашего Друга, которая приснилась ему во сне. Он просит тебя начать наступление на Ригу. Он говорит, что это важно... Сейчас можно застать их врасплох и заставить отступить. Он говорит, что очень важно сделать это *прямо сейчас*, и *очень серьезно* просит тебя отдать приказ войскам. Он говорит, что мы *можем* и *должны* атаковать и что я должна написать тебе об этом немедленно».

Кто знает, в каком логове Распутин видел этот сон? А вдруг в тот момент «Друг» был окружен шпионами, так и вившимися вокруг него? Хвостов рассказывает, как Распу-

тину, собиравшемуся в Царское Село, давал инструкции германофил Дмитрий Рубинштейн, банкир и спекулянт: последнему было необходимо выяснить, в каком направлении будет осуществляться наступление. Рубинштейн говорил, что хочет выяснить, стоит ли покупать строевой лес в Минской губернии. Распутин выяснил это. А потом в письмах мужу царица удивлялась, «как все вокруг знают то, что положено знать только хорошо информированным членам ставки». Картина складывается ужасная даже в том случае, если сам Распутин являлся всего лишь нечаянным осведомителем немецких шпионов. В то время как одна воюющая сторона использует все ресурсы военной науки и техники, весь свой опыт и гений, другая сторона рискует сотнями тысяч солдатских жизней из-за пьяного сна какого-то невежественного и развратного юродивого!

Дальше ехать было некуда. После этого ничуть не удивительно, что в убийстве Распутина, организованном Пуришкевичем из-за любви к стране и династии, принимал участие великий князь Дмитрий Павлович. После войны царица была готова свести счеты с Николаем Николаевичем, с «черномазыми дочерьми» (черногорскими принцессами) и другими родственниками, которых подозревала в намерении лишить ее мужа престола, а ее самое заключить в монастырь. Но те тоже не дремали. Однажды посреди ночи председателя Государственной думы Родзянко разбудил телефонный звонок. Его приглашала к себе великая княгиня Мария Павловна, вдова великого князя Владимира. При этом она была так настойчива и таинственна, что Родзянко «волей-неволей подумал о заговоре». На следующий день за завтраком великая княгиня «заговорила о внутреннем положении страны и недееспособности правительства, Протопопова и императрицы. Произнеся имя последней, она пришла в ярость и сказала, что императрица губит страну, что из-за нее опасность грозит царю и всей его семье, что такое положение вещей больше терпеть нельзя, что его нужно изменить, уничтожить, отстранить...

Желая понять, что именно она имеет в виду, я переспросил:

– Отстранить? О чем вы говорите?

– Ну, я не знаю... Нужно что-то предпринять, придумать... Сами понимаете... Дума должна что-то сделать... Она должна быть уничтожена...

– Кто?

– Императрица.

– Ваше высочество, – сказал я, – позвольте мне считать, что нашего разговора никогда не было... Иначе данная мною присяга обязывала бы меня пойти к императору и доложить...»

Родзянко говорил, что великая княгиня долго не могла решиться на этот разговор, но ее убедил сын, великий князь Кирилл Владимирович – тот самый, который впоследствии специальным манифестом объявил себя «императором всея Руси» Кириллом I и заявил, что будет править вместе с Советами. Во время революции он предоставил свой полк в распоряжение Государственной думы и украсил свой мундир революционным красным бантом.

Приближался трагический конец русских Людовика XVI и Марии-Антуанетты. Русские орлеанцы уже перешли в наступление. У них был собственный «Кирилл Эгалите».

Это стало началом внутреннего краха династии. До краха внешнего было подать рукой.

Однако один шанс на спасение еще оставался. Требовалось заставить страну врасплох, заключить сепаратный мир и объявить реакционную диктатуру.

Казалось, такая попытка будет сделана. 4 февраля 1917 г. русского посла в Христиании [ныне Осло. – *Примеч. пер.*] Гулькевича посетил болгарский посол в Берлине Ризов. Он попросил телеграфировать в Петроград «о желании Германии заключить мир с Россией на чрезвычайно выгодных для последней условиях». Ризов говорил, что действует по собственной инициативе, но, как выяснил Гулькевич, «не оставалось ни малейшего сомнения в том, что он действовал по германским инструкциям». Ради проформы Гулькевич ответил отказом, но, конечно, тут же телеграфировал в Петроград и получил в ответ приказ: «Если

Ризов предпримет повторные шаги, внимательно выслушать его и уточнить, о каких именно условиях идет речь».

Граф Чернин [австрийский министр иностранных дел. – *Примеч. пер.*] в своих мемуарах говорит о «полномочном представителе одной из нейтральных стран», который предложил ему «вступить в переговоры с одной из вражеских стран без ведома остальных». Граф «ни секунды не сомневался в том, что речь идет о России». Чернин повторил прежнее предложение «Эрни» – организовать встречу полномочных агентов в каком-нибудь нейтральном государстве. Но было уже поздно. Вместо «полномочного агента» он получил известие о революции в России.

Глава 3

ДУМСКАЯ ОППОЗИЦИЯ

В своей книге «История второй русской революции» Милюков, лидер буржуазной либеральной партии кадетов, предлагает довольно оригинальную интерпретацию Февральского переворота. По его мнению, этот переворот начался как стихийное движение, «абсолютно бесформенное и бесцельное». Но затем свою роль сыграл новый фактор, оказавшийся решающим. «Вмешательство Государственной думы придало уличным демонстрациям цель, дало им знамя и лозунг, после чего мятеж превратился в революцию, которая свергла старый режим и династию».

Милюков утверждает, что «Государственная дума уже многое сделала для этого во время войны и особенно во время «прогрессивного блока».

Однако в России версия Милюкова менее распространена, чем за ее пределами. Тон иностранным концепциям того, что случилось в России, зададо сообщение Милюкова, который был первым министром иностранных дел революционного Временного правительства. В своей радиোগрамме от 3 марта он изобразил ход революционных событий еще проще: «Вечером 28 февраля председатель Государственной думы получил указ царя отложить ее сессию до апреля. В то утро на улицу вышли рядовые Волынского и Литовского полков и организовали демонстрацию в поддержку Государственной думы. К вечеру возбуждение нижних чинов и населения достигло опасного уровня. Исполнительный комитет Государственной думы принял решение взять на себя исполнительную власть. В последующие дни беспорядки охватили пригороды столицы, и опасность стала зловеще нарастать. С целью предупредить анархию Временное правительство использовало военных, которые сумели положить конец уличным безобразиям и восстановить порядок».

Левые революционные круги отвергают версию Милюкова. Даже председатель Думы Родзянко много раз протестовал против «принятия на веру далекого от истины утверждения, что четвертая Государственная дума подготовила, создала, вдохновила и воплотила в жизнь государственный переворот 28 февраля и революцию».

Чтобы решить, на чьей стороне правда, нужно тщательно изучить настроения как Думы в целом, так и представленных в ней партий с момента объявления войны до февраля 1917 г.

Сразу после начала войны думская фракция кадетов во главе с Милюковым публично заявила, что «хотя фракция не отказывается от своей точки зрения на необходимость реформирования России», однако «в данную минуту перед нами стоит другая задача, величественная и прекрасная... Мы боремся за освобождение нашей родины от иностранного вторжения; в этой борьбе мы все едины; мы не выставляем ни условий, ни требований, а просто кладем на весы наше твердое желание победить врага».

Ранее во время борьбы с революцией 1905 г. и одержанной победы правительство отвечало оппозиционным партиям знаменитой формулой: «Сначала успокоение, потом реформы». Сейчас оппозиция сама поторопилась заявить: «Сначала победа над австро-германцами, потом реформы». На время войны она подписала собственное политическое отречение.

Конечно, она поступила так в тщетной надежде на то, что правительство оценит благородство такого отречения, примирится с оппозиционными партиями и назначит представителей последних на ответственные государственные посты с целью мобилизации сил и ресурсов под лозунгом «Все для войны! Все для победы!» Иными словами, она верила, что

власть сама обеспечит объединение общества, которое в Германии называли *Burgfrieden*, а во Франции – *union sacrée*.

Гучков, лидер октябристов, партии в лучшем случае полуоппозиционной (во времена Столыпина кадеты иронически называли ее «партией последнего декрета правительства»), заявлял: «Все партийные разногласия должны исчезнуть. Работа Думы должна осуществляться совместными усилиями всех политических групп. Более того, необходимо добиться объединения выборной власти с правительством, глава которого будет пользоваться доверием как народных масс, так и органов представительной власти».

Прогрессисты и кадеты согласились свернуть свои знамена. Они думали, что после войны влияние различных партий будет прямо пропорциональным их возможностям и вкладу в организацию национальной обороны. «Хозяином страны станет тот, кто умеет работать». Казалось, что у партии кадетов, в которую входило большое количество высокообразованных людей – профессоров, писателей, юристов, врачей, инженеров, лидеров земств и органов городского самоуправления, – есть все шансы проникнуть в государственный аппарат и доказать свою ценность и незаменимость. Именно это определяло ее тактику «окружения» власти, целью которой было постепенное превращение последней в заложники умеренной демократии.

Однако царское правительство видело этот план насквозь и исходило из принципа: «Дай черту палец, он всю руку откусит». Один из министров (Маклаков) заявлял: «Вы будете притворяться, что занимаетесь поставкой сапог для солдат, а сами станете делать революцию». Поэтому правительственные круги могли протянуть руку так называемым «гражданским» организациям (Союзу земств и городов и военно-промышленным комитетам) только под давлением тяжелых провалов на фронте. Едва опасность оставалась позади, как правительство тут же отдергивало эту руку.

Так дело и шло, пока провалы не стали катастрофическими.

Настроение народа менялось быстро. В начале войны, несмотря на ограниченность масс и их ропот, раздававшийся лишь время от времени, «суперструктуру» общества охватил дух всеобщего энтузиазма. Но полная неспособность тупого правительства использовать этот дух для организации национальной обороны превратила энтузиазм в ненависть к существующему режиму.

Член группы националистов Шульгин рассказывает об одном заместителе министра, который описывал свою поездку на юг:

«Понимаете, Киев – довольно реакционный город... Но меня останавливали там благонамеренные люди и спрашивали: «Когда вы *их* прогоните?» Они имели в виду правительство. А после убийства Распутина стало еще хуже. Раньше всю вину валили на него... Но теперь они поняли, что дело не в Распутине. Его убили, но ничего не изменилось. А теперь все стрелы летят прямо в цель, не отклоняясь в сторону Распутина».

Московская тайная полиция докладывала о впечатлениях Милюкова от старой столицы: «Я никогда бы не поверил, если бы не слышал собственными ушами, что Москва способна говорить таким языком. Я знаю Москву много десятилетий; если бы двадцать лет назад мне сказали, что в чувствах москвичей может произойти такая катастрофическая перемена, я бы назвал это глупой шуткой. Самые инертные, самые непросвещенные люди говорят как революционеры».

На Съезде земств делегаты Иваненков, Макаров и Бесчинский подтвердили, что схожие перемены произошли даже в таких традиционно монархических регионах, как казачьи станицы. В отчете Московского департамента тайной полиции от 19 февраля 1916 г. говорится о росте «до ужасающей степени» «общего глубокого недовольства личностью Его Величества, правящего императора». Департамент «с глубоким прискорбием констатирует», что «если бы пришлось реагировать на все случаи дерзкого и открытого *lese-majeste* [оскорб-

ления величества (*фр.*). – *Примеч. пер.*], количество дел, заведенных по статье 103, стало бы беспрецедентным». Такой же доклад поступил от петроградской тайной полиции: «Антиправительственные настроения охватили буквально все слои общества, в том числе и те, которые раньше никогда не выражали недовольства, – например, некоторые круги офицеров императорской гвардии».

Тактика Думы была двоякой: с одной стороны, она диктовалась фрондой правящего класса, с другой – боязнью революционных настроений среди низших классов.

В Государственную думу входила вся политическая верхушка обеспеченной и привилегированной России, соответствовавшая необходимому для избрания имущественному цензу, поэтому каждое ухудшение ситуации неизменно приводило к политической консолидации разных фракций. В результате в «прогрессивный блок» вошли почти все, от левых до правых: кадеты, прогрессисты, «земские октябристы», правое крыло Союза 17 октября, «правый центр» и даже наиболее либеральные из националистов, правее которых находились только махровые черносотенцы.

Октябрист Родзянко описывает политическое значение блока. «Партия народной свободы [кадеты. – *Примеч. авт.*] в период предвыборной кампании подвергалась преследованиям, а потому была склонна объединиться с крайне левыми. Опасность проникновения революционных настроений в сердце Думы нарастала не по дням, а по часам. Это угрожало самому существованию Думы и могло привести к революционным беспорядкам в стране». Чтобы избежать этого, «нужно было заключить с влиятельной кадетской партией соглашение и предупредить ее союз с социалистическими партиями» и одновременно привлечь на свою сторону возможно большее количество членов воинствующего крайне правого крыла, которое было готово взорвать Думу изнутри, провоцируя ее и поддерживая каждое антидумское «слово и дело» правительства. Родзянко считает заслугой «прогрессивного блока» то, что он «сорвал уже готовое [*? – Примеч. авт.*] соглашение между партией народной свободы и социалистическими и революционными кругами»¹.

Националист Шульгин, который был не в силах защищать правительство, видел единственный выход в следующем:

«Мы признаем растущее недовольство справедливым, но должны придать его проявлению самую мягкую, самую приемлемую форму... Иными словами, нужно заменить недовольство масс, которое может легко перерасти в революцию, недовольством Думы... Именно для этого и был создан «прогрессивный блок». Этим шагом мы вынудили кадетов перейти к программе-минимум... Если можно так выразиться, мы освободили кадетов от революционной идеологии и свели дело к мелочам... Мне казалось, что мы представляем собой цепь солдат, взявшихся за руки... Конечно, нас толкали сзади и заставляли двигаться вперед. Но мы сопротивлялись. Мы смыкали ряды и не позволяли толпе прорваться... Так мы продолжали сопротивление, но нас толкали в спину уже полтора года... Бог свидетель, если бы мы не создали эту цепь, возможно, толпа прорвалась бы давным-давно»².

«Мы призывали правительство прислушаться к требованиям общества не ради революции, – заявлял Гучков, – а чтобы усилить власть для защиты отчизны от революции и анархии».

Однако многие кадеты резко осуждали участие в этой «цепи». Согласно донесениям полиции, левое крыло партии «не одобряло блок с самого начала. Это крыло доказывало, что участие в нем подорвет авторитет партии, потому что оно не заставит правых членов блока приспособиться к кадетам; наоборот, отказавшись от своих главных требований, кадеты сами приспособятся к правым». Это было вполне естественно. Закон всех оппозиционных блоков состоит в том, что его общая платформа может быть выработана лишь при условии приведения требований объединяющихся партий к «общему политическому знаменателю». Лидер левого крыла кадетов Мандельштам заявлял:

«Тактика правого крыла кадетской партии, руководимого Милюковым, грозит бесспорно скомпрометировать партию в глазах широких демократических кругов населения и либеральной интеллигенции... Страшная ошибка Милюкова заключается в непонимании бесплодности этой игры, в попытке укрепить бюрократию за счет авторитета кадетов, в стремлении что-то получить от этой сделки. На самом деле он теряет престиж и доверие у широких демократических кругов... В ближайшем будущем события изменятся так быстро, что все требования «прогрессивного блока» покажутся детским лепетом... Каждый, кто видит, как все выше поднимается волна народного гнева, ясно понимает, что кадетская партия должна вступить в блок не с правыми, а с левыми, должна идти рука об руку с демократическими партиями. Если мы этого не сделаем, то окажемся в хвосте событий и потеряем свою лидирующую роль. Скажем честно: многие члены нашей партии боятся размаха революции и видят в ней лишь новый пугачевский бунт. Но сами эти страхи должны диктовать политику, диаметрально противоположную милюковской. Если мы не хотим, чтобы стремление народа наказать преступное правительство превратилось в беспорядки, хаос, бессмысленное разрушение, то не имеем права игнорировать народное движение, мы должны стремиться возглавить его... Иначе кадетская партия, скомпрометированная в глазах народа, рискует раз и навсегда оказаться на стороне непопулярных умеренных политических партий. Это было бы несчастьем как для нашей партии – партии российской интеллигенции, – так и для народа»³.

Как же Милюков, лидер правоцентристского большинства партии, защищал свою тактику?

«Люди, которые выдвигают такие лозунги, играют с огнем. Они не способны понять страшное напряжение, в котором живет сегодняшняя Россия, и последствия этого напряжения. Очень возможно, что правительство тоже не понимает, что происходит в глубинах России. Но мы, умные и чуткие наблюдатели, ясно видим, что ходим по вулкану, что достаточно малейшего толчка, чтобы все пришло в движение и полилась лава. Вся Россия – одна воспаленная рана, боль, скорбь и страдание... Напряжение достигло предела; достаточно чиркнуть спичкой, чтобы произошел страшный взрыв. Боже нас сохрани стать свидетелями этого взрыва. Это будет не революция, а тот самый «русский бунт, бессмысленный и беспощадный», от которого бросало в дрожь Пушкина. Начнется та самая вакханалия, свидетелями которой мы были в Москве⁷. Из глубин вновь поднимется та грязная волна, которая погубила прекрасные ростки революции 1905 г. Сильное правительство – не важно, плохое или хорошее – необходимо нам сейчас, как никогда раньше»⁴.

Для Милюкова революция была зловещей предательской стихией, которую мог надеяться повернуть в нужное русло только тот, кто был способен тешить себя иллюзиями. Россия созрела для бунта, но не для революции. Следовательно, изменение тактики было бы фатальным. Милюков взывал к своей партии:

«Ради бога, не поддавайтесь на провокацию правительства. Оно спит и видит сепаратный мир с Германией, а потому пытается спровоцировать сложности внутри страны... Указав на рост революционного движения в России, оно объяснит союзникам, почему не может продолжать кампанию. Оно возложит ответственность за неудачу на революционные и оппозиционные круги... Не идите у него на поводу. От нас требуется только одно: терпеливо ждать, глотать горькие пилюли, не увеличивать, а уменьшать народное возбуждение: рано или поздно положение правительства станет безнадежным, после чего наступит полный и абсолютный триумф российского либерализма»⁵.

⁷ Имеются в виду стихийные погромы и разграбление магазинов, принадлежавших владельцам с немецкими фамилиями, происшедшие в начале войны.

Правоцентристские элементы кадетской партии были уверены в успехе. Во время мирного конгресса «правительство ничего не сможет сделать без Думы». Оно будет вынуждено «подкрепить» свои условия и требования «обращением к российскому общественному мнению, выраженному представителями народа». Конфликт с Государственной думой накануне или во время конгресса ухудшил бы международное положение России. Во-вторых, после войны для выплаты одних процентов по внешнему долгу понадобилось бы около полумиллиарда рублей плюс затраты на восстановление разрушенных крепостей и строительство новых, расширение сети железных дорог, расходы на демобилизацию и т. д. В случае конфликта с Думой «правительство не получило бы за границей ни копейки». Кроме того, существовало еще одно обстоятельство:

«Несомненно, после войны следует ожидать зловещих массовых беспорядков... В борьбе с ними правительство окажется беспомощным... В последнюю минуту оно обратится к нам, и тогда наша работа будет заключаться не в нанесении последнего удара правительству, что будет означать поддержку анархии, а в обновлении его... Поощрять лидеров анархической революции ради борьбы с правительством значило бы рисковать всеми нашими политическими достижениями начиная с 1905 года»⁶.

Позже Родзянко был недалек от истины, утверждая, что «Милюков почти во всех вопросах поддерживал даже не прогрессистов, а октябристов». (Прогрессисты были левее октябристов, но правее кадетов.) Шульгин заверял министров, что кадетов бояться не стоит: «Они прекрасно знают, что головы жирондистов оказались в одной корзине с головами монархистов... Они боятся революции. Они три года кричали: «Все для войны!» В случае революции это им припомнят».

Но «опасность слева», олицетворявшаяся кадетами, и без того не слишком тревожила правые монархические круги. В меморандуме, составленном кружком сенатора Римского-Корсакова, партия Милюкова характеризовалась следующим образом:

«Самой сильной и активной из них [умеренно либеральных партий. – *Примеч. авт.*] является партия кадетов, которая ведет за собой всех остальных. Но если присмотреться внимательно, придется признать, что эта партия сильна своей слабостью. Демократическая по названию, она по составу является чисто буржуазной, не имеет собственной платформы, а потому вынуждена поддерживать лозунги левых о правах народа и отмене частной собственности. Хотя в нее входит большое количество землевладельцев и так называемых руководителей земств, однако партия кадетов поддерживает лозунг отчуждения земли, которое уничтожит ее собственных членов. Конечно, лидеры кадетов неискренни и упорно борются за это не станут. Они сами предложили убрать данный пункт из программы «прогрессивного блока», созданного и руководимого ими. Это как нельзя лучше доказывает, что они не верят в собственное независимое существование и ищут союза с другими партиями ценой уступок и жертв. Без союза с левыми, без козырей, вынутых из чужой колоды, кадеты представляют собой всего-навсего большое собрание либеральных юристов, профессоров, министерских чиновников и ничего более»⁷.

Когда Совет министров обсуждал соглашение с «прогрессивным блоком», столкнулись два мнения. Одна группа ни за что не хотела простить Милюкову старую попытку кадетов после роспуска первой Думы блокировать иностранный заем Столыпина. «Как бы Милюков ни менял шкуру, он всегда останется в моих глазах революционером, если не извинится за свои действия публично»⁸. Другие настаивали на одобрении соглашения. Сазонов утверждал: «Если все сделать прилично и воспользоваться предоставленной возможностью,

⁸ Заем во Франции пытались блокировать не Милюков, а князь Павел Долгоруков с В.А. Маклаковым, за что их и осудила их партия кадетов.

кадеты первыми бросятся заключать соглашение. Милюков – типичный буржуа и боится революции больше всего на свете. Большинство кадетов трясется за свой капитал»⁸.

Осенью 1915 г. казалось, что расчеты Милюкова на то, что правительство окажется в безвыходном положении и будет вынуждено предоставить министерские портфели представителям «прогрессивного блока», вот-вот оправдаются. На фронте со дня на день должна была произойти катастрофа. Паника охватила не только солдат, но и высшее командование. Ставка настаивала на оставлении Киева. Обсуждался вопрос об эвакуации Петрограда. Обстановка в тылу была не лучше. Министр внутренних дел князь Щербатов докладывал о своей полной беспомощности, «дезорганизации местных служб», множественности властей, результатом которой оказывается отсутствие всякой власти, «невообразимой неразберихе в провинции», панике в аппарате самого министерства и диктаторских приказах военных, вплоть до прапорщиков и казарменных командиров. «На фронте нас бьют немцы, а в тылу наносят последний удар собственные офицеры», – резюмировал Кривошеин. Военный министр докладывал, что «беспорядок в штабах нарастает с каждым днем; никто ничего не хочет делать, никаких приказов не отдается... Вся жизнь страны дезорганизована, аппарат правительства развален, повсюду хаос и беспорядок». Совет министров наконец понял, что Россия находится на грани банкротства. Государственный контролер с горечью констатировал, что страна и армия не испытывают доверия к правительству и если еще на кого-то надеются, то только на Государственную думу и военно-промышленные комитеты. Царь тоже не обращает на Совет министров никакого внимания и считается только со ставленником императрицы и Распутина, старым циничным бюрократам Горемыкиным. «Правительству не верит даже тот человек, который является источником государственной власти», – заявил Щербатов, и никто ему не возразил. Общее мнение выразил Сазонов: «Правительство висит в воздухе, не получая поддержки ни снизу, ни сверху»⁹.

В таких условиях у правительства было три выхода: пойти на уступки организованному обществу, найти второго Столыпина и доверить ему диктаторскую власть или заключить сепаратный мир и таким образом вырваться из тисков кризиса. Но люди, близкие к царю, все еще считали, что сепаратный мир вызовет немедленную революцию. Второго Столыпина не находилось: высший слой бюрократии деградировал так же стремительно, как и династия. Сдаться организованному обществу было невозможно из-за честолюбия придворной камарильи, религиозного и династического мессианства царя и императрицы и ненависти к обществу, которая вьелась в плоть и кровь высшей бюрократии.

Однако переговоры с «прогрессивным блоком» начались. Со стороны правительства их вел государственный контролер Харитонов, которому помогали министры А.А. Хвостов, князь Щербатов и князь Шаховской, а со стороны блока – Милюков, Ефремов, Шидловский и Дмитриуков. На тайном совещании Совета министров докладывалось, что «в основном программа «прогрессивного блока» приемлема и отличается от правительственной точки зрения лишь в некоторых вопросах». В этом нет ничего удивительного, поскольку блок даже не требовал ответственности кабинета министров перед Думой. Назначение отдельных министров на их посты оставалось прерогативой монарха; Думу волновал только персональный состав кабинета, который должен был пользоваться доверием широких кругов общества; иными словами, правительство должно было формироваться из членов блока. В конкретных вопросах, где Дума требовала более либеральной политики, было бы трудно придумать более обтекаемые и растяжимые формулировки. Сами министры смеялись над фразой о еврейском вопросе: «вступить на путь постепенного ослабления ограничений».

Но соглашение с организованным обществом неизменно наталкивалось на глухую стену в виде царя.

Горемыкин, пользовавшийся сильной поддержкой царицы и Распутина, в решающий момент прерывал переговоры, доставая из кармана царский указ о роспуске Думы. На возра-

жения взволнованных коллег он презрительно отвечал: «Будет ли Дума распущена со скандалом или без скандала, значения не имеет... Я считаю невозможным расстраивать императора разговором об опасности беспорядков, потому что не разделяю этих страхов... Все это придумал Родзянко, чтобы напугать нас... Дума будет распущена в назначенный день, и никакой крови не прольется... Милюков может болтать все, что ему вздумается. Я так верю в русский народ и его патриотизм, что не допускаю и мысли о том, что он может ответить своему царю беспорядками, особенно в военное время. Если отдельные банды интриганов начнут плохо себя вести, о них позаботится полиция, поэтому не следует обращать на них внимания». Те же доводы приводили и его преемники.

Недостатка в драматических сценах не было. Председатель Думы Родзянко приехал со специальным визитом в Совет министров и попытался убедить главу правительства не играть с огнем, когда на кону стоит судьба России и династии, но столкнулся с такой чванной бюрократической невозмутимостью, что «как безумный, не попросившись и забыв трость, пулей вылетел в дверь, после чего произнес безнадежную фразу: «Я начинаю верить тем, кто говорит, что в России нет правительства». Десять министров направили царю коллективную декларацию о несогласии с премьером и о невозможности в таких условиях продолжать работу. Они получили выговор и приказ продолжать исполнять свои обязанности (правда, после этого их одного за другим отправили в отставку). Более того, Хвостов (единственный, кто поддержал Горемыкина против всех остальных) стал фаворитом императрицы, поскольку дал элементарный совет, как быть с Думой: «Их нужно просто разогнать».

«Разогнать всех... Полиция подавит беспорядки!», – восклицал Гучков. – Приближается потоп, а жалкое, ничтожное правительство готовится противостоять этому катаклизму с помощью тех же средств, которыми они защищаются от сильного дождя: резиновых калош и зонтиков». Даже британский посол Бьюкенен сказал: «Боюсь, революция неизбежна».

Но страх испытывали и вожди Думы. В том же августе 1916 г. Гучков писал генералу Алексееву: «Наше оружие обоюдоостро; массы (особенно рабочие) так возбуждены, что достаточно искры для взрыва, размеры и место которого невозможно ни определить, ни предугадать».

Такие же сомнения начинали терзать и Шульгина:

«Конечно, возбуждение россиян... позволял успешно снижать предохранительный клапан под названием «Государственная дума»... Мы сумели заменить «революцию», то есть кровь и разрушение, «резолуцией», то есть словесным выговором правительству. Но... в моменты сомнений я иногда начинаю чувствовать, что вместо пожарных, пытающихся погасить революцию, мы становимся поджигателями, хотя и невольными».

Государственная дума начинала все больше и больше бояться бремени народных симпатий, которые она вызывала. И не без оснований.

24 января 1917 г. группа рабочих Центрального военно-промышленного комитета, получив правительственную ноту, явно враждебную по отношению к рабочим, обратилась к народу с воззванием: «Рабочий класс и демократия больше не могут ждать. Каждый день промедления опасен. Решительное искоренение самодержавного режима и полная демократизация страны становятся задачей, требующей немедленного решения, вопросом жизни и смерти для рабочего класса и демократии... К открытию Государственной думы мы должны подготовить всеобщую демонстрацию. Пусть весь рабочий Петроград, фабрика за фабрикой, район за районом, проникнутый духом товарищеского единения, придет к Таврическому дворцу, чтобы предъявить главные требования трудящихся и демократов. Вся страна и армия должны услышать голос рабочего класса: только создание Временного правительства, опирающегося на народ, организованный для борьбы, может вывести страну из тупика и фатальной разрухи, обеспечить политическую свободу и дать стране мир на условиях, приемлемых для российского пролетариата и пролетариата других стран».

Эта группа рабочих представляла собой крайне правое крыло рабочего и социалистического движения. Она состояла из так называемых «оборонцев», несмотря на обвинения в измене решительно настроенных на сотрудничество с торгово-промышленным капиталом в сфере оборонной промышленности. Однако группа испытывала сильное давление со стороны масс, которые относились к войне все более и более враждебно. Ее попытка организовать демонстрацию в день открытия Думы была продиктована стремлением избежать раскола между Думой и массами, принудить Думу к более решительным действиям и приучить рабочих к тому, что именно Дума должна возглавлять народное движение. Иными словами, крайне правое крыло социалистов пыталось достичь того же, чего хотело левое крыло кадетов.

В ответ правительство немедленно распустило группу и провело массовые аресты лидеров рабочих, профсоюзных и других организаций.

Утром 29 января Центральный военно-промышленный комитет провел специальную встречу с представителями Союза земств и городов и «прогрессивного блока». На ней присутствовал один из членов Рабочей группы по фамилии Обросимов. Считалось, что он случайно сбежал из-под ареста, но, скорее всего, его оставили на свободе намеренно, как полицейского агента и провокатора. Его речь должна была дать полиции повод для обвинения группы в подготовке вооруженного восстания, имевшего видимость мирной демонстрации. Однако, согласно отчету петроградской тайной полиции, еще до выступления Обросимова «депутат Государственной думы Милюков, сильно возбужденный, заявил, что сейчас Дума находится в центре внимания всей страны, что только Дума может и должна диктовать стране условия борьбы с правительством, что только она может объединить усилия всех борцов и предложить соответствующие лозунги. Кроме Думы, ни один класс и ни одна группа населения не имеет права выдвигать собственные лозунги и независимо начинать или вести эту борьбу. Таким образом, политика Рабочей группы и ее сторонников ему, Милюкову, абсолютно непонятна и он не понимает, как эту позицию можно совместить с возникшей ситуацией».

Далее в отчете указывается, что «присутствующие, ожидавшие услышать от Милюкова пламенную речь, были просто обескуражены этим заявлением». Лидер социал-демократической фракции Думы Чхеидзе был вынужден заявить, что «в таких условиях Милюков рискует со дня на день оказаться в хвосте событий, поскольку, если все будет развиваться в том же направлении, рабочие неожиданно обнаружат, что именно они являются главной политической силой, решающей, какие действия следует предпринимать». Правительство нанесло удар по рабочим, но Чхеидзе предупредил: «Помните, за арестом рабочих последует ваш собственный».

Таким образом, всего за три недели до революции между кадетским крылом «прогрессивного блока» и рабочим движением произошел раскол. Через неделю трещина стала еще шире. 9 февраля местный воинский начальник Хабалов, предвосхищая демонстрацию по поводу открытия Думы, распространил воззвание к населению, в котором говорилось, что «ни один истинный сын отечества не предаст своих братьев», а потому не откликнется на призыв «пойти к Таврическому дворцу и предъявить политические требования. Не слушайте преступных подстрекателей, которые толкают вас на измену». На следующий день газета «Речь» опубликовала письмо Милюкова главному редактору. Шульгин замечает, что, «как ни странно, в этих двух документах было много общего». Милюков тоже предупреждал рабочих, что выходить на демонстрацию не следует. Рабочих особенно возмутило упоминание о «вредном и опасном совете», который «явно исходит из самого зловещего источника. Следовать этому совету – значит играть на руку врагу».

Обращение Хабалова вызвало у рабочего класса негодование, которому способствовал слух о том, что поводом для ареста Рабочей группы стала бесстыдная провокация⁹. К этому добавилась попытка опорочить моральную и политическую репутацию жертв злобной полицейской интриги. Легко понять, какое неблагоприятное впечатление на рабочих произвело письмо Милюкова. К нему добавились произнесенные в Думе речи, намекавшие на то, что сама идея демонстрации была подкинута рабочим полицией. Депутат от социал-демократов Скобелев протестовал против прозвучавших в Думе обвинений, что «рабочая демонстрация играет на руку внешнему врагу» и что «призыв к ней является полицейской провокацией».

В этой связи следует упомянуть, что призыв Рабочей группы не имел ничего общего с намерениями большевиков. Наоборот, большевики враждебно относились к любой попытке связать рабочее движение с Думой. Согласно отчетам тайной полиции, они «считали Группу рабочих политически нечистой организацией и не признавали Государственную думу. Они приняли резолюцию, призывавшую не поддерживать демонстрацию, объявленную группой, а вместо нее провести чисто рабочую демонстрацию, намеченную на 10 февраля – годовщину суда над бывшими членами большевистской фракции Думы. На тот же день была назначена всеобщая забастовка». 7 февраля Петроградский комитет большевиков распространил листовку с этим призывом. Но в то время большевики были слишком слабы для такого мероприятия. Их собственный орган, «Правда», вынужден был признать, что «из-за несогласия между радикальными группами организовать демонстрацию не удалось». Так же получилось и со всеобщей забастовкой. Лишь несколько фабрик остановили работу на пару часов в разное время дня, чтобы провести неформальные митинги с речами и принятием резолюций. Но сопротивление большевиков и запрет кадетов привели к тому, что демонстрация 14 февраля также провалилась. В забастовке приняли участие несколько десятков тысяч рабочих примерно шестидесяти предприятий. В трех-четырех районах города полиции пришлось разогнать демонстрантов. Как предсказывал Горемыкин, полиция «пока еще справлялась». Во время этих событий два левых депутата – Чхеидзе и Керенский – резко критиковали «прогрессивный блок» и кадетов за «отсутствие воли к действию» и страх перед революцией; они пытались доказать, что единственным выходом из положения является революция. «Власть самым роковым способом стремится удержаться на краю пропасти, поэтому разумнее порвать с правительством вовремя, чем рухнуть в бездну вместе с ним»¹⁰.

Но оппозиционные лидеры Думы были верны себе. Они ставили на другую карту, все еще надеясь вырвать власть у реакционной клики, а потому рьяно старались помешать рабочим выйти на демонстрацию. Им казалось, что это станет доказательством влияния блока на рабочих. Однако стихийные демонстрации, вспыхнувшие в Петрограде еще через неделю, застали их врасплох. На этот раз «улицу» никто не пытался урезонить, и это стихийное движение переросло в революцию.

Неудачи, которые потерпели революционеры 10 и 14 февраля, убедили полицию в собственной силе и беспомощности рабочих. Сначала она была так же растеряна, как и думская оппозиция. Меморандум петроградской тайной полиции гласил: «Намерение подпольных социалистических организаций превратить мирную народную демонстрацию в стихийную революционную акцию чрезвычайно пугает «претендентов на власть» и заставляет их уныло спрашивать себя, не слишком ли высоко они занеслись. Этим людям кажется, что они, как библейская ведьма, нечаянно вызвали «фантом революции», но не смогли с ним справиться. Они хотели всего лишь напугать им упрямое правительство, однако злой дух революции на пути ко всеобщему уничтожению готов свергнуть правительство... и пожрать их самих»¹¹.

⁹ Министр внутренних дел Протопопов, позже допрошенный по этому делу, подтвердил, что с целью избежать распространения слуха среди заключенных Обросимова пришлось арестовать вместе со всей Группой рабочих, после чего, как и обещало правительство, ему устроили фиктивный побег из тюрьмы.

Тайная полиция от души смеялась.

Да, конечно, в позиции лидеров «прогрессивного блока» было что-то комичное. Один из них, Шульгин, впоследствии искренне писал:

«Я испытывал те же чувства, что и мои товарищи по блоку. Все мы – и хвалившие правительство, и осуждавшие его – родились и воспитывались под его крылом... В лучшем случае мы могли безболезненно пересестись из кресла депутата на скамью министров... Выделенный правительством часовой охранял нас... Но когда мы столкнулись с возможным падением правительства в бездонную пропасть, у нас закружились головы, а сердца сжались»¹².

Тайная полиция от души смеялась, но смеяться ей оставалось недолго.

* * *

Из страха перед революцией и желания предупредить ее оппозиционные круги были вынуждены выдвинуть идею «дворцовой революции». Смена монарха могла быть выходом из тупика, поскольку новый царь или регент мог согласиться на «окружение» правительства либеральными элементами общества и постепенный переход от абсолютизма к режиму конституционно-демократической монархии.

В своей «Истории второй русской революции» Милюков пишет: «После убийства Распутина широкие слои общества были убеждены, что следующим шагом, который нужно сделать в ближайшем будущем, является дворцовый переворот с помощью офицеров и солдат... Преемником Николая должен был стать его малолетний сын Алексей, а регентом при последнем – великий князь Михаил Александрович. После самоубийства генерала Крымова стало ясно, что этот товарищ Корнилова был патриотом, принесшим себя в жертву; еще в начале 1917 г. он обсуждал в узком кругу подробности приближавшегося переворота. Его исполнение было намечено на февраль. В то же время другой кружок, сформировавшийся вокруг нескольких членов руководящего комитета «прогрессивного блока» и лидеров Союза земств и городов, хотя и не знал об этих приготовлениях, однако обсуждал роль Думы после «дворцовой революции». Варианты были разными, но кружок согласился на регентство великого князя Михаила Александровича как лучшее средство учреждения конституционной монархии. В собраниях этого второго кружка участвовало несколько членов первого Временного правительства; некоторые из них знали о существовании кружка генерала Крымова»¹³.

Керенский указывает, что «во время последней монархической зимы генерал Крымов с Гучковым и Терещенко готовил «дворцовую революцию». Однако полиция была на страже. На тайном совещании Совета министров 4 августа 1915 г. Хвостов говорил, что Гучкова поддерживают левые группы, потому что «считают его способным привести батальон в Царское Село». В «совершенно секретном» докладе от 26 января 1917 г. генерал Глобачев упоминает о группе, «действующей в стиле заговорщиков» и состоящей из А.И. Гучкова, князя Львова, С.Н. Третьякова, Коновалова, М.М. Федорова и некоторых других. «Все надежды эта группа возлагает на дворцовый переворот силами по крайней мере одного-двух сочувствующих полков, считая его неизбежным в ближайшем будущем». На основании материалов следственной комиссии Временного правительства поэт Блок рисует следующую картину: «Гучков надеялся, что армия за небольшим исключением одобрит дворцовый переворот, сопровождаемый каким-нибудь террористическим актом (совершенным либо собственными телохранителями царя, как в восемнадцатом веке, либо «студентом с бомбой»), не стихийным или анархистским по характеру, а чем-то вроде заговора декабристов. Существовал план захвата императорского поезда между ставкой и Царским Селом и принуждения царя к отречению. Одновременно с помощью солдат следовало арестовать правительство, а потом объявить о дворцовом перевороте и составе нового правительства»¹⁴.

В своих воспоминаниях профессор Ломоносов пишет: «В штабах и ставке императрицу ругали последними словами; люди говорили, что ее нужно заточить в монастырь и даже свергнуть Николая. Об этом болтали даже за общим столом. Но результатом таких разговоров чаще всего становится мысль о дворцовом перевороте вроде убийства Павла I». Согласно Деникину, активным действиям должно было предшествовать последнее обращение к царю одного из великих князей. Если бы царь ответил отказом, ожидалось «его физическое устранение». Генералов Алексеева, Рузского и Брусилова попросили ответить, согласились бы они участвовать в таком заговоре. Решительным «нет» ответил только первый из них¹⁵.

«Некий кадет Н.» [Некрасов? – *Примеч. авт.*] спросил Шульгина о том, «о чем болтали за кофе в каждом салоне: то есть о дворцовом перевороте. Я слышал о существовании такого аморфного плана, но не знал ни его подробностей, ни участников. Например, существовал так называемый «морской план». Императрицу нужно было под каким-нибудь предлогом заманить на борт крейсера, а потом отвезти в Англию – якобы по ее собственной воле. В другом варианте царя предлагалось отправить туда же и объявить императором Алексея. Я считал все эти разговоры досужей болтовней».

Однако есть более подробное свидетельство Родзянко о приезде генерала Крымова с фронта в Петроград в начале января 1917 г. и докладе, который тот сделал в частных апартаментах Родзянко:

«Крымов закончил приблизительно следующим:

– Чувства военных так сильны, что каждый с радостью приветствовал бы новость о дворцовом перевороте. Переворот неизбежен; на фронте это чувствуют. Если вы решитесь на крайнюю меру, мы поддержим вас. Нельзя терять время.

Крымов умолк; несколько секунд все молчали, как пораженные громом. Первым нарушил молчание Шингарев:

– Генерал прав, переворот необходим. Но кто наберется решимости сделать это?

Шидловский с горечью ответил:

– Какой смысл жалеть его, если он уничтожает Россию?

Многие члены Думы согласились с Шингаревым и Шидловским. Прочитировали слова Брусилова: «Если мне придется выбирать между царем и Россией, я последую за Россией».

Самым неумолимым и резким оказался Терещенко, который очень меня огорчил. Я прервал его и сказал:

– Вы не думаете о том, что случится после отречения царя... Я никогда не присоединюсь к перевороту. Я дал клятву... Если армия может обеспечить его отречение, пусть это решает ее командование, но я до последней минуты буду действовать убеждением, а не силой».

Картина «заговора» получается не слишком приглядная. Военное крыло, которое представляет Крымов, говорит штатскому: «Если *вы* решитесь, мы вас поддержим». Но штатское крыло в лице Родзянко отвечает: «Если *вы*, армия, сумеете заставить царя отречься, мы этим воспользуемся». Иными словами, это был не столько заговор, сколько болтовня о нем. Каждый выталкивал вперед другого. Согласно отчетам тайной полиции, после убийства Распутина «люди много и серьезно говорили о националистической партии, сконцентрированной вокруг Пуришкевича; говорили, что эта партия решила на дворцовый переворот, чтобы спасти Россию от революции»; однако жандармерия признавалась, что все это может быть «лишь досужими слухами». Родзянко говорит: «Многие люди были абсолютно и искренне уверены, что я готовил переворот и что мне помогали многие гвардейские офицеры и британский посол Бьюкенен; конечно, это была полная чушь».

Именно таким был странный «заговор», о котором говорили во дворцах великих князей и апартаментах депутатов Думы, в модных салонах и кабинетах командующих армиями, в докладах политической полиции и на совещаниях Совета министров. «Я считал это досужей болтовней», – писал Шульгин, и он был близок к истине. Последним фрагментом этого плана было совещание, на котором присутствовали Родзянко, его помощник Некрасов, секретарь Думы Дмитрюков, депутат Савич и великий князь Михаил Александрович. Оно состоялось 27 февраля 1917 г., когда уличная демонстрация уже перерастала в победоносную революцию. «Великому князю сказали, что ситуацию еще можно спасти: он должен немедленно принять на себя диктаторскую власть в Петрограде, заставить министров подать в отставку и по прямому проводу потребовать от Его Величества манифеста о создании правительства народного доверия». Но даже такой половинчатый дворцовый переворот закончился одними разговорами: «нерешительность великого князя» испортила все. Из всех пунктов программы он выполнил только один: поговорил с царем по прямому проводу, получил решительный отказ и «сложил бессильные руки на пустой груди».

Глава 4

ДУМА ПРОТИВ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БУРИ

Как мы уже убедились, Дума пыталась всеми силами избежать революции. С первых шагов триумфального марша революции по улицам Петрограда Дума игнорировала ее. Рабочих, которые наводнили улицы, постепенно увлекал водоворот. То же происходило и с солдатами, стихийно объединившимися вокруг двух лозунгов: «Хлеба!» и «Долой войну!». Последний лозунг делал демонстрацию не просто чуждой Думе, но положительно враждебной ей. Дума знала, что осенний набор 1916 г. уже довел число рекрутов до тринадцати миллионов, что четыре миллиона жертв означали двадцать миллионов вдов, сирот и беспомощных стариков, поскольку среднестатистическая русская семья состояла из пяти человек. Она знала, что беженцы из оставленных губерний увеличивали бремя тех, кто был занят в производстве. Она знала, что финансы страны расстроены и концы с концами удастся сводить только с помощью инфляции, которая дезорганизует производство и торговлю. Она знала, что оборудование военной промышленности и транспорт изношены; иными словами, что экономика России трещит по швам, напрягает все общественные связи и зловеще обостряет все социальные антагонизмы. Но Дума имела дело только с одной формой стремления к миру: дворцовыми интригами, целью которых была сепаратная сделка между Николаем II и Вильгельмом II, означавшая для России лишь тупик реакции и вассальную зависимость русской Голштин-Готторпской династии, переименовавшейся в Романовых, от победивших Гогенцоллернов. Дума, боровшаяся с этой сепаратной сделкой, мобилизовала против нее общественное мнение, добавила к этому лозунги либерализма и патриотизма и не могла собственными руками уничтожить то, что создавала таким трудом, идя на все мыслимые и немыслимые моральные и политические жертвы. Настроение масс делало требование мира *революционным* лозунгом, призывавшим рабочих всех стран объединиться и положить конец «военным забавам» их правителей. Для Думы это стало новой утопией, непостижимой и неожиданной. Данное движение не могло вдохновить депутатов; оставалось только не обращать на него внимания.

Поэтому Думе предстояло остаться на мелководье, забытой всеми, не способной на союз с народом, отвергнутой самодержавием и никому не приносящей пользы. Но тут ей на выручку нечаянно пришло правительство. Когда уличные демонстрации достигли своего пика, правительство издало указ о роспуске Думы. Внезапно петроградские улицы облетела весть: Дума отказалась «распуститься»! Для всех недовольных, которые еще колебались, и всех тех, кто начинал сомневаться в прочности правительства, которое они защищали, это стало последней каплей. Первые благодаря стадному инстинкту присоединились к движению в поддержку Думы, а вторые, парализованные отсутствием веры, покинули тонущий корабль государства.

Однако отказ Думы «распуститься» был всего лишь легендой. Да, левые депутаты призывали к такому отказу. Но «отказ подчиниться монарху означал бы, что Дума разворачивает знамя мятежа и возглавляет этот мятеж со всеми вытекающими отсюда последствиями, — писал Шульгин. — Родзянко и подавляющее большинство думцев, включая кадетов, были абсолютно не способны на такое». Это стало ясно во время собрания руководящего комитета «прогрессивного блока», на котором «никто не предложил ничего стоящего внимания».

Дума решила подчиниться царскому указу о роспуске и признать, что она прекратила существование. Однако члены Думы договорились не расходиться, а тут же провести «частную конференцию». Чтобы не путать «частную конференцию» с официальной сессией Думы, они перешли из большого Белого зала в меньший Полукруглый. Все радикальные

предложения были отвергнуты подавляющим большинством голосов. Общую резолюцию торпедировал Милюков. Он рекомендовал очень осторожно относиться к каждому поспешному решению, особенно в обстановке, когда еще неизвестно, пало ли прежнее правительство и насколько серьезным будет народное движение. Этой «конференции» едва хватило времени, чтобы избрать «временный комитет», который позже, стремясь придать ему большее значение, стали называть «Временным (а иногда даже Исполнительным) комитетом Государственной думы». На самом деле такого органа не существовало в природе. Был только «комитет *частной конференции*». Он носил более длинное и неуклюжее название – «Временный комитет для связей с отдельными лицами и учреждениями по вопросу восстановления общественного порядка и спокойствия в столице» или что-то в этом роде.

Однако когда распространилась новость о роспуске Думы и ее отказе подчиниться царскому указу, к Таврическому дворцу устремились тысячи людей, если не десятки тысяч. По словам Милюкова, Думе было достаточно стать «центром, знаменем и лозунгом» движения, чтобы это «бесформенное и беспредметное движение» превратилось в настоящую революцию. Согласно Шульгину, члены Думы, которым выпала эта миссия, «были встревожены, возбуждены и, если так можно выразиться, духовно сплотились... Даже многолетние враги внезапно почувствовали, что всем им грозит что-то опасное, зловещее и одинаково отвратительное... Этим «чем-то» была... уличная толпа!»

Толпа. О да, конечно, смотреть на нее неприятно. Крестьянские армяки, солдатские шинели, кожаные куртки, кепки, грязные сапоги... Толпа пахнет не духами, а смолой, овчиной и потом. Ароматный дым турецких сигарет и гаванских сигар перешибает едкая вонь плебейской махорки. Но зато в этой толпе нет ни болтунов, ни высокомерных политиков, ни изнеженных трусов, способных лишь на то, чтобы с царского разрешения пересесть из кресла депутата на министерскую скамью. Эту толпу неделю с лишним полиция расстреливала из пулеметов, разгоняла ее шашками и выстрелами из револьверов, но та собиралась вновь и вновь. Она уже доказала, что может приносить себя в жертву. Теперь она прошла новое крещение в купели революции. Эта «чернь» была святой чернью, способной на бесмертные подвиги. Она хотела, чтобы ею руководил кто-то мудрый, добрый, знающий и опытный. Но горе тому, кто пытался обмануть ее или с презрением отставить в сторону, как ненужную лестницу.

И как же Дума приветствовала эту толпу?

«Я помню миг, – пишет Шульгин, – когда Думу затопил черно-серый осадок, нескончаемым потоком валивший во все двери. С первого момента этого вторжения моя душа наполнилась отвращением... Я чувствовал себя беспомощным и оттого злился еще сильнее. Пулеметы!»¹

Если Дума не желала идти к революции, то революция сама пришла к Думе в виде вооруженных людей. Это были организованные представители революции, Советы рабочих депутатов, избранные на фабриках после 21 февраля и сами явившиеся в Таврический дворец. Думе оставалось лишь делать хорошую мину при плохой игре. Легенда об отказе подчиниться указу о роспуске постепенно привела к беспрецедентной и двойственной ситуации. Прибывали военные отряды, открыто бросившие того самого царя, которому Дума решила подчиняться даже после декрета о собственном роспуске. Они подтвердили свою преданность революции, представленной Думой, которая дрожала от ужаса, сталкиваясь с ней. Толпа приветствовала Родзянко громкими криками.

И тут настал момент, когда Родзянко сказал себе:

«Я не хочу восставать. Я не мятежник, я не делал и не желаю делать революцию. Если она произошла, то лишь потому, что люди не пошли за нами... Я не революционер. Но с другой стороны... Правительства нет. Министры бежали. Найти их невозможно. Ко мне со

всех сторон спешат люди. Что я должен делать? Отступить? Оставить Россию без правительства?»

Правые, даже думская фракция националистов, призывали Родзянко принять решение: «Берите власть. Это не восстание. Берите ее как лояльный верноподданный. Есть только два выхода: либо все закончится, император назначит новое правительство и мы передадим ему власть. Но если мы не возьмем власть, она достанется этим малым, которые уже выбрали на своих фабриках каких-то мерзавцев».

«Революционер поневоле», камергер двора, горько оплакивавший весть о том, что министр внутренних дел князь Голицын бросил борьбу и подал в отставку, пытался взять власть, чтобы прийти к какому-то соглашению с царем и остановить революцию.

Нет ничего более красноречивого, чем документы из архива генерала Рузского, описывающие переговоры Родзянко с царем и ставкой.

27 февраля Родзянко телеграфировал командующему Северным фронтом генералу Рузскому о волнениях в столице, неспособности властей восстановить порядок и необходимости, чтобы царь немедленно создал новое правительство под руководством «того, кому могла бы доверять вся страна». «Промедление невозможно, промедление – это смерть, – написал Родзянко в таком же послании к царю и добавил: – Я молю Бога, чтобы в этот час ответственность не пала на правителя». Прочитав телеграмму, царь сказал: «Опять этот толстяк Родзянко пишет всякую чушь, на которую я даже отвечать не стану». Родзянко послал ему вторую телеграмму: «Ситуация ухудшается. Необходимо принять меры, потому что завтра будет уже поздно. Пришел последний час, решается судьба родины и династии». 27 февраля к Николаю II обратился и его брат Михаил. Ответ был таков: «Спасибо за совет, но я сам знаю, что должен делать». Наконец военный министр Беляев, который до того обещал заставить подчиниться всех и вся, мрачно сообщил из Петрограда, что «с несколькими полками, которые еще верны своему долгу», он ничего не может сделать и что «многие части уже присоединились к восставшим». Он требовал «скорейшего прибытия необходимого количества действительно боеспособных частей». Генерал Рузский почтительно обратился к царю со следующим предложением: «Репрессивные меры лишь обостряют ситуацию», потому что армия на фронте «отражает настроения страны» и ее смогут удовлетворить только «немедленные меры». В ответ царь послал в Петроград ставленника Распутина и императрицы генерала Иванова с двумя батальонами георгиевских кавалеров. Северному и Западному фронтам было приказано выделить в распоряжение генерала Иванова пулеметную бригаду, два пехотных и два кавалерийских полка, «на которые можно положиться», во главе с «решительными генералами»¹⁰.

На следующий день, 28 февраля, начальник штаба главнокомандующего генерал Алексеев сообщил командующим фронтами, что царь (который волновался за императрицу и детей и нуждался в ее совете) отбыл в Царское Село и что хотя Петроград полностью или почти полностью в руках восставших, тем не менее важно, чтобы «части сохраняли верность своему долгу и присяге». В тот же день Алексеев прислал другую срочную телеграмму. Ему показалось, что обстановка в Петрограде меняется к лучшему:

«Временное правительство под председательством Родзянко, собравшееся в Государственной думе, предложило командирам воинских частей выполнять его приказы, направленные на восстановление порядка. В обращении к народу, распространенном Временным правительством, подчеркивается важность сохранения монархии для России, указывается на необходимость новых выборов и назначения правительства. Я с нетерпением жду прибытия

¹⁰ «27 февраля командир батальона георгиевских кавалеров генерал Пожарский собрал своих офицеров и сказал им, что по прибытии в Петроград не выполнит приказа стрелять в людей, даже если этого потребует генерал Иванов» (Блок. Указ. соч. С. 41). Обмен телеграммами Родзянко и Рузского показывает, что первые два эшелона солдат, посланных с Северного фронта в Петроград, восстали и решили не пропускать даже царский поезд. С другими частями дело обстояло не лучше.

Его Величества, чтобы подать рапорт с просьбой удовлетворить желание народа. Если эта информация верна, то способ ваших действий меняется; умиротворение будет достигнуто с помощью переговоров».

Однако информация оказалась неверна. Никакого Временного правительства еще не существовало. Благие намерения думских лидеров были восприняты как факт. 1 марта пришла совсем другая новость. Начались беспорядки в Кронштадте. Контр-адмирал Курош был беспомощен и «не мог поручиться ни за одну часть». Адмирал Непенин не сумел помешать Балтийскому флоту присягнуть Думе. Москва была охвачена восстанием, войска перешли на сторону мятежников. Ставка тревожилась за царский поезд. В тот же день Северный фронт по прямому проводу сообщил в ставку: великий князь Сергей Михайлович настаивает, чтобы царь назначил Родзянко премьер-министром, пока не стало слишком поздно. Генерал Алексеев набрался мужества обратиться к царю с тем же предложением, так как «лидеры Думы во главе с Родзянко еще могут предотвратить общую катастрофу, но каждый час уменьшает последний шанс на сохранение и восстановление порядка и способствует захвату власти крайне левыми элементами». 2 марта Алексеев узнал, что «гарнизон Луги перешел на сторону комитетчиков», а потому придется вернуть части генерала Иванова обратно на фронт. Но хуже всего то, что «вся семья императора находится в руках мятежных солдат, которые захватили Царскосельский дворец». Царь телеграфировал Иванову, чтобы тот не предпринимал никаких мер до получения его личного приказа. Николай согласился вернуть части на фронт и разрешил генералу Рузскому начать телеграфные переговоры с Родзянко, которого царь ждал для личной аудиенции.

Телефонные разговоры Рузского и Родзянко были очень любопытными. Сначала Рузский спросил, почему Родзянко отказался от поездки в Псков и личных переговоров с царем. Родзянко отговорился тем, что он «не мог оставить возбужденный народ без своего присутствия... Люди доверяют *только мне* и выполняют *только мои* приказы».

Однако на самом деле все обстояло куда прозаичнее. Железнодорожники отказались выделить Родзянко поезд без специального разрешения Исполнительного комитета (Совета рабочих депутатов). Когда Родзянко обратился к комитету, левая секция последнего ответила:

«Родзянко нельзя позволять ехать к царю. Мы еще не знаем намерений ведущих групп буржуазии, «прогрессивного блока» и думского комитета, и никто не может их гарантировать... Если на стороне царя еще есть какие-то силы, то «революционная» Дума, которая «перешла на сторону народа», наверняка договорится с царем задушить революцию. А то, чего царь не сможет сделать в одиночку, он легко достигнет с помощью Думы и Родзянко – иными словами, соберет войска и двинет их на Петроград, чтобы установить там «порядок»².

Сначала Исполнительный комитет отказал Родзянко, но после вмешательства Керенского все же выделил ему поезд. Однако было уже слишком поздно.

Заявление Родзянко «они доверяют только мне и выполняют только мои приказы» было чудовищным искажением истины. Возникает только один вопрос: хотел ли он таким способом увеличить свои шансы на пост премьер-министра или просто хвастался? Позже в воспоминаниях Родзянко описал свою неудачу с поездом и множество других подобных случаев. Когда группа солдат Преображенского полка привела к нему реакционного царского министра Щегловитова, Родзянко, «осшарашенный этой произвольной акцией, любезно пригласил Щегловитова пройти в кабинет». Изумленные дружелюбным отношением председателя «революционной» Думы к лидеру махровых реакционеров, «солдаты наотрез отказались освободить его», а когда Родзянко попытался «употребить власть», солдаты «тесно окружили своего пленника и чрезвычайно дерзко показали на свои винтовки». На следую-

щий день экипаж Второго флота «нахально заявил», что Родзянко «нужно расстрелять как буржуя» и что «матросы приведут этот акт в исполнение без всякого сожаления».

Родзянко и другие лидеры Думы могли только мечтать о том, что они в состоянии руководить революцией и поймать ее в свои дипломатические сети. Рыба была слишком велика для рыбаков.

Часть лидеров «прогрессивного блока» собралась на тайное совещание без участия вновь избранных членов Чхеидзе (отклонившего приглашение) и Керенского¹¹. Гучков сразу приступил к делу:

«В этом хаосе мы должны прежде всего думать о спасении монархии. Видимо, нынешний монарх править больше не должен. Но можем ли мы спокойно ждать, пока этот революционный сброд уничтожит монархию? А это неминуемо случится, если мы выпустим инициативу из своих рук... Поэтому мы должны действовать тайно, быстро, не задавая вопросов и не слушая ничьих советов. Мы должны поставить их перед свершившимся фактом. Мы должны дать России нового монарха... Под этим знаменем мы должны собрать всех, кого можно... Сопротивляться! Мы должны действовать быстро и решительно!»

Он предложил отправиться к царю и убедить его отречься. Резоны Гучкова были просты:

«Я знал, что если он передаст судьбу династии в наши руки, это будет означать, что *никакой революции нет*. Император отречется от престола добровольно, власть перейдет к регенту, который назначит новое правительство. Государственная дума, которая подчинилась указу о роспуске и взяла власть только потому, что старые министры бежали, передаст власть новому правительству. Так что с точки зрения закона революции не будет...»

Сказано – сделано. На рассвете, когда «революционный народ еще спал», Гучков и Шульгин сумели убедить начальника вокзала дать им поезд и поехали добиваться «добровольного отречения».

Тогда генерал Рузский попросил Родзянко о новой услуге: сначала предложить Николаю доверить Родзянко сформировать правительство, которое будет отчитываться только перед самим царем, но постепенно добавив новое требование: правительство будет подчиняться законодательным органам.

«Его Величество и вы, – ответил Родзянко, – видимо, не понимаете, что происходит. Началась одна из самых страшных революций на свете, и справиться с ней будет очень нелегко... Возникла такая анархия, что Дума и я попытались взять власть в свои руки и руководить этим движением. К несчастью, добиться успеха мне не удалось. Страсти разгорелись так, что обуздать их нет никакой возможности. Войска полностью деморализованы. Ненависть к Ее Величеству Императрице достигла предела. Династический вопрос стоит очень остро. Чтобы избежать кровопролития, мне пришлось посадить всех министров, за исключением военного и морского, в Петропавловскую крепость, и я очень боюсь, что та же судьба ожидает меня самого».

Родзянко уже забыл свое предыдущее заявление: «Люди доверяют только мне и выполняют только мои приказы». Он забыл неприятный инцидент с солдатскими винтовками. Он приписывает народу собственную ненависть к царице, погубившей династию, и говорит не правду, а только то, что служит его целям. Когда генерал Рузский спросил, что означает фраза об «остроте династического вопроса», Родзянко «с болью в сердце» ответил: «Ненависть к династии дошла до предела... Слышны грозные требования, чтобы царь отрекся от престола в пользу сына, регентом при котором будет Михаил. В случае такой смены весь народ подержит войну до победного конца... Я сообщаю вам это с искренней скорбью, но что делать!»

¹¹ Возглавлявшиеся ими группы социал-демократов и трудовиков не входили в «прогрессивный блок».

Прекратите отправку частей, потому что они не станут действовать против народа... У меня сжимается сердце, когда я вижу, что происходит».

Рузского это не убедило; впрочем, слова Родзянко вряд ли могли убедить кого бы то ни было. Если ненависть к династии «дошла до предела», то кто предъявляет «грозные требования» о замене Николая Алексеем и Михаилом? «На самом деле царь, царица, Алексей и Михаил были для восставших на одно лицо. «Хрен редьки не слаще», – говорили солдаты»³. Династия в целом так же, как самодержавие и война, вызывали у народа не равнодушие, а ненависть. Либо Родзянко не понимал этого, либо не хотел расстраивать умеренно либерального генерала такими новостями. На вопрос о том, удастся ли успокоить людей обещанием создать правительство народного доверия, Родзянко ответил еще одной путаной речью: «Я сам вишу на волоске... Анархия зашла так далеко, что прошлой ночью я был вынужден назначить Временное правительство... Смена власти может быть добровольной и абсолютно безболезненной для всех, и тогда все кончится через несколько дней; я могу сказать только одно – кровопролития и ненужных жертв не будет. *Я этого не позволю*».

Здесь Родзянко выглядит настоящим диктатором, даже сверхдиктатором, якобы «назначившим» Временное правительство (на самом деле он был всего лишь кандидатом в премьер-министры, которого вскоре отвергли не только левые, но даже кадеты, предпочтя ему князя Львова), и в то же время человеком, «висящим на волоске». Однако даже в этой «висячей» позиции он все еще верит (или притворяется, что верит), будто может кому-то что-то «позволить» или «не позволить».

Военные власти в ставке и на разных фронтах не знают, что делать. Ставка больше не осмеливается сообщать новости о том, что происходит в Петрограде. Генерал Данилов сообщает генералу Лукомскому: «Вы с генералом Алексеевым хорошо знаете характер императора и то, с каким трудом от него можно добиться определенного решения; весь вчерашний вечер и часть ночи ушли на то, чтобы убедить его принять требование о назначении правительства народного доверия. Его согласие было получено только в два часа ночи». Теперь все эти усилия пошли прахом; царю предстояло принять еще более ответственное решение.

Генерал Алексеев спрашивает командующих армиями, какого те придерживаются мнения. Он напоминает, что «все перемещения и снабжение армии по железной дороге находятся в руках петроградского Временного правительства» и что лучше избежать «соблазна принять участие» в этом перевороте, поскольку оно не приведет ни к чему, кроме краха армии. «Независимость России и династию» нужно спасти любой ценой, «даже если уступки окажутся очень большими». Первым откликается великий князь Николай Николаевич. Он «коленипреклоненно» обратится к царю, заклиная его «святой любовью к России и цесаревичу», и скажет: «Другого пути нет: осени себя крестом и вручи свое наследство ему». Генерал Брусилов также собирается просить царя «избежать неминуемых катастрофических последствий» и «спасти династию, передав престол законному наследнику». Генерал Эверт сообщает, что «армия в ее нынешнем состоянии не может подавлять внутренние беспорядки», что «прекратить революцию в столицах невозможно», а потому остается только один выход: принять предложение председателя Думы.

Выдержать этот перекрестный огонь Николай II был не в состоянии. Будучи не в силах связаться с женой, которая являлась его неизменным советчиком, и особенно узнав, что его сын и наследник находится в руках восставших и является заложником, царь впал в типичное для него состояние «манекена» и с каменным лицом подготовил ответ Родзянко. Ради России он готов на любые жертвы, а потому «согласен отречься от престола в пользу моего сына при условии, что тот останется со мной до совершеннолетия, а его регентом станет мой брат Михаил Александрович».

Именно в таком состоянии нашли Николая посланцы Думы Гучков и Шульгин. Когда Гучков начал объяснять необходимость отречения, генерал Рузский прошептал: «Этот вопрос уже решен. Вчера был трудный день. Была буря».

Гучкова ошеломила легкость, с которой Николай согласился отречься от престола. Вся сцена произвела на него «болезненное впечатление своей банальностью», и он заподозрил, что имеет дело «с ненормальным человеком, у которого понижены сознание и чувствительность». Придворные бормотали, что царь расстался с тронем так, словно речь шла «о передаче эскадрона солдат». Шульгин внезапно почувствовал, что «это была маска, а не настоящее лицо императора, что его настоящее лицо видели либо очень немногие, либо вообще никто». Беседа была краткой. «Спокойно, просто и точно», с «легким иностранным акцентом гвардейского офицера» Николай уладил проблему:

«Я решил отречься от престола. До трех часов дня я думал, что могу отречься в пользу моего сына Алексея. Но теперь изменил решение в пользу моего брата Михаила... Надеюсь, вы поймете отцовские чувства...»

Видимо, «нитью Ариадны», которая помогла Николаю выбраться из лабиринта, стали доставленные из Царского Села три письма императрицы, датированные 1, 2 и 3 марта. Она продолжала надеяться до последнего. Суть проблемы казалась ей ясной: «Две тенденции, Дума и революция, две змеи, которые, как я надеюсь, откусят друг другу голову, – вот что спасет ситуацию». Николай должен был терпеть и ждать. Императрица боялась, что в ее отсутствие Николая заставят даровать России что-то вроде «правительства народного доверия или конституции». «Это настоящий кошмар – думать, что тебя, не имеющего за плечами армии, могут заставить сделать что-то в таком духе». Царица с гипнотической настойчивостью твердит мужу: «Если тебя заставят пойти на уступки, ты ни в коем случае не будешь обязан выполнять свои обещания, потому что они были получены недостойными методами... Когда власть снова окажется в твоих руках, такое обещание не будет иметь силы... Если мы будем вынуждены подчиниться обстоятельствам, Бог поможет нам освободиться от них».

Трудно судить, насколько последний русский император разделял мысли и чувства своей политической Эгерии. Во всяком случае, царица не сомневалась в том, что отречение Николая в пользу Михаила было лишь маневром:

«Я прекрасно понимаю твои действия, мой герой! Я знаю, что ты не мог подписать ничего противоречащего твоей коронационной клятве. Мы понимаем друг друга так, что не нуждаемся в словах; клянусь тебе собственной жизнью, мы еще увидим тебя на троне, снова вознесенного твоим народом и твоими солдатами к славному царствованию. Ты спас своего сына, свою страну, свою священную чистоту, и (Иуда Рузский!) будешь коронован самим Богом на этой земле, в твоей собственной стране».

Эта неутомимая женщина хотела, чтобы ее муж сразу после отречения составил план реставрации. «Я чувствую, что армия восстанет... У тебя есть какие-нибудь планы?» – с лихорадочным нетерпением спрашивает она⁴.

Тогда для Гучкова и Шульгина была дорога каждая минута. Они не имели права вернуться слишком поздно: нужно было привезти народу и населению Петрограда нового царя. Кто будет этим царем, Алексей или Михаил, значения не имело. Генерал Данилов обратил их внимание на то, что отречение в пользу брата в обход малолетнего сына не предусмотрено законом о престолонаследии. Но делегаты резонно ответили: «Предположим, что это ошибка. Нам нужно выиграть время. Михаил процарствует некоторое время, а когда все утихнет, обнаружится, что он не имеет права царствовать, после чего престол перейдет к Алексею Николаевичу»⁵.

Иными словами, наследник, его отец и мать на время «выходили из игры». Расхлебывать заваренную ими кашу должен был великий князь Михаил Александрович. В случае

неудачи он бы поплатился головой; в случае успеха все плоды достались бы другому. Корона, которую Гучков и Шульгин везли Михаилу, была настоящим «даром данайцев».

Их волновало только одно: как можно скорее поставить революционеров «перед свершившимся фактом». Они боялись, что могут прибыть слишком поздно и столкнуться с совсем другим фактом – Российской республикой, провозглашенной какими-нибудь «мерзавцами».

Делегаты вернулись с манифестом об отречении в пользу Михаила. На фронте еще распространяли предыдущий манифест о создании «правительства народного доверия». По телеграфу уже сообщили новость о «царе Алексее». Царский поезд двигался в направлении, противоположном направлению делегатов: в Могилев, где находилась ставка. А затем произошло следующее...

«Никто не знал, какие чувства боролись в душе Николая II, отца, монарха и человека, когда в Могилеве, глядя на Алексеева усталыми добрыми глазами, он не слишком решительно сказал:

– Я передумал. Будьте добры, пошлите эту телеграмму в Петроград.

На листке бумаги четким почерком императора было написано согласие на то, чтобы трон занял Алексей.

Алексеев никому не показал эту телеграмму, чтобы «не смущать умы». Он хранил ее в бумажнике и передал мне [генералу Деникину. – *Примеч. авт.*] в конце мая, когда сложил с себя обязанности главнокомандующего»⁶.

Гучков и Шульгин, понятия не имевшие о новом повороте мыслей царя, примчались в Петроград. Гучков, которому не терпелось обрадовать народ сообщением о новом царе, пошел на огромный рабочий митинг в железнодорожных мастерских. Эффект был поразительный: рабочие хотели немедленно арестовать самозваного «переговорщика». Ему удалось сохранить свободу с большим трудом.

Тем временем в отсутствие Гучкова и Шульгина Милюков, говоривший в Екатерининском зале Таврического дворца о создании Временного правительства, попытался использовать тот же маневр. «Старый деспот, который довел Россию до полной разрухи, будет вынужден отречься от престола, иначе его свергнут. Власть перейдет к регенту, великому князю Михаилу. Наследником станет Алексей». Тут же начались крики и суматоха. «Как, опять старая династия?» Милюков поторопился исправить впечатление. Хотя он сам не испытывал любви к этой династии, но нарисовал картину России как парламентской конституционной монархии. Однако другие предпочитали республику. Диспут закончился предложением созвать Учредительное собрание с участием обеих сторон; мол, это позволит избежать гражданской войны. Но даже слух о временном сохранении старой династии подействовал на людей как взрыв бомбы. Тщетно Милюков пытался объяснить представителям демократических Советов, что Романовы не опасны, что из двух кандидатов на престол «один – больной мальчик, а другой глуп как пробка»⁷. «Поздно вечером в Таврический дворец ворвалась большая группа чрезвычайно возбужденных офицеров, которые заявили, что не вернутся в части, пока Милюков не отречется от своих слов». Членам Временного комитета Думы других способов убеждения не понадобилось. Милюкову пришлось покривить душой и заявить, что его «слова о временном регентстве великого князя Михаила при наследнике престола Алексее отражают только его личное мнение»⁸.

Попытка спасти династию была готова закончиться полным фиаско. Большинство «прогрессивного блока» чувствовало, что пора бить отбой. На следующий день, 3 марта, члены Временного комитета и вновь созданного Временного правительства собрались в доме неудачливого претендента на трон, заранее согласившись оставить решение за Михаилом и не оказывать на него давления. Щедрое предложение брата не доставило великому

князю никакого удовольствия. Бурный обмен мнениями все же состоялся. Хотя Милюков соглашался, что отречение царя не только за себя, но и за сына делает ситуацию очень уязвимой даже в законодательном смысле, это не мешало ему уговаривать Михаила принять корону. Им требовался символ власти, к которому привыкли массы; без него Временное правительство было бы «дырявой баржей». Конечно, всем присутствовавшим пришлось признать, что эта попытка связана с риском для великого князя, но игра стоит свеч. «Кроме того, за пределами Петрограда было вполне возможно собрать воинские части, необходимые для обеспечения безопасности великого князя»⁹. Роли переменялись: крайне левый член «прогрессивного блока» сейчас был более правым, чем его коллеги; его позиция доказывала, что представители Совета не зря отказывались выделить поезд для делегатов Думы. Ради спасения династии он был готов начать гражданскую войну. Шульгин с воодушевлением пишет:

«Серый от бессонницы, абсолютно охрипший от выступлений в казармах, он не говорил, а квакал, но квакал мудрые и глубокие слова... самые великие слова в его жизни: «Ваше Высочество, если вы откажетесь... это будет означать крах. Потому что Россия лишится своей оси. Монарх – это ось... единственная ось страны. Массы, русские массы... вокруг чего они сплотятся? Начнется анархия... хаос... кровавая мешанина... Монарх – это единственная, до сих пор единственная... концепция власти в России. Если вы откажетесь... некому будет присягать. Но присяга – единственный ответ, который может дать народ... всем нам... то, что делалось... делалось с его санкции, с его одобрения, с его разрешения... без такой присяги не будет ни России, ни государства! Не будет ничего»¹⁰.

Но поддержал Милюкова только Гучков.

«Нам было абсолютно ясно, – писал Родзянко, – что великий князь не процарствует и нескольких часов. В стенах столицы должна была пролиться большая кровь, которой было бы отмечено начало гражданской войны. Нам было ясно, что великого князя немедленно убьют вместе со всеми его сторонниками, потому что в его распоряжении не было надежных войск, а на армейские части рассчитывать не приходилось».

После общего обмена мнениями Михаил вызвал Родзянко в соседнюю комнату.

«Великий князь Михаил спросил, смогу ли я гарантировать ему жизнь, если он примет трон, и мне пришлось ответить отрицательно; повторяю, у меня не было частей, достойных доверия. Даже тайно вывезти его из Петрограда было невозможно: из города не выпускали ни одного автомобиля, ни одного поезда»¹¹.

Великий князь удалился, чтобы подумать. Потом он вернулся и начал говорить. «В данных условиях я не могу принять трон, потому что...» Не закончив фразу, он заплакал. Милюков и Гучков сказали, что после всего случившегося они и хотели бы вернуться во Временное правительство, но теперь не могут оставаться его членами. «Заговорщик» и «дворцовый революционер» Терещенко грозил застрелиться. Только Керенский испустил вздох облегчения: он с трудом нашел солдат для охраны дома великого князя, и можно было с минуты на минуту ждать вторжения какой-нибудь революционной части. Все было кончено. Михаил подготовил манифест, в котором заявил, что «примет государственную власть» только в том случае, если ему ее предложит Учредительное собрание.

И думские «революционеры поневоле» расстались, в конце концов признав общей платформой созыв Учредительного собрания. Позже Шульгин вспоминал:

«Если бы два дня назад кто-нибудь сказал мне, что я буду слушать это требование [о созыве Учредительного собрания. – *Примеч. авт.*] и не возражать, даже понимая, что другого выхода нет; если бы кто-нибудь два дня назад сказал, что я собственноручно напишу отречение Николая II, я назвал бы его сумасшедшим или подумал, что сумасшедший я сам. Но сегодня я не мог возражать. Да, Учредительное собрание на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования».

Им снова пришлось договариваться со ставкой. Там даже не слышали об Учредительном собрании. Там начали распространять милостивый манифест о правительстве народного доверия. За ним последовал еще более милостивый манифест об отречении от престола. Сначала им предстояло объявить царем малолетнего Алексея, но по пути из Могилева в Петроград Шульгин сообщил всем, кому мог, о царе Михаиле II. Теперь нужно было все начинать сначала.

Снова на одном конце прямого провода Родзянко, а на другом – генерал Рузский. Родзянко просит Рузского не публиковать манифест о передаче царской власти Михаилу:

« – Люди примирились бы с его регентством и передачей трона цесаревичу, но провозглашение Михаила императором абсолютно неприемлемо... Мы с величайшим трудом сумели удержать революционное движение в границах приличий, но ситуация пока не нормализовалась и гражданская война еще возможна.

Рузский с мрачной иронией отвечает:

– Какая жалость, что вчера делегаты сами не знали, чего они хотят.

– Винить делегатов не приходится, – говорит Родзянко и начинает выгораживать себя, мешая правду с ложью: – Неожиданно солдаты подняли мятеж, равного которому я никогда не видел. Точнее, не солдаты, а мужики от сохи, предъявившие все свои мужицкие требования. Мы только и слышим, как толпа кричит: «Землю и волю!», «Долой династию!», «Долой Романовых!», «Долой офицеров!». И во многих частях действительно начали убивать офицеров. К ним присоединились рабочие, и анархия достигла своего апогея».

На самом деле за прошедшие дни никакого изменения к худшему не произошло, но теперь Родзянко и другие начинали понимать суть происходящего; «апогея» анархия достигла только в их воображении. Родзянко противоречит себе. Сначала он пугает своего собеседника: «Провозглашение Михайла императором только подлило бы масла в огонь, после чего началось бы беспощадное истребление... Мы потеряли бы всю власть, и некому было бы подавлять народные волнения». Но потом вновь подает ему надежду: «За ночь солдат мало-помалу удалось призвать к порядку... Верховный совет [несуществующий орган. – *Примеч. авт.*] будет действовать до конца войны... вместе со Временным правительством». Однако «реставрация династии вполне возможна», потому что «обязательно будет одержана решительная победа», после которой поднимется «волна патриотических чувств».

Но генерал Рузский по-прежнему желает знать, как обстоит дело с правительством и что делать с царским указом о назначении Николая Николаевича главнокомандующим. Родзянко отвечает, что «препятствий для опубликования указа нет» и что армию можно доверить одному из самых влиятельных членов царской династии. И действительно, никто против этого не возражал, потому что указ скрыли от мятежного Петрограда. Отвечая на вопрос о правительстве, Родзянко снова говорит о «Верховном совете, правительстве народного доверия, работе законодательных органов вплоть до решения Учредительного собрания относительно конституции». Когда Рузский спрашивает, является ли Родзянко председателем Верховного совета, тот поправляется: на самом деле речь шла о Временном комитете Думы, которую он возглавляет.

Следовательно, после неудачной попытки сохранить династию лидеры Думы мечтали создать на основе «Временного комитета» их частной конференции Верховный совет, которому принадлежала бы вся власть в стране. Они мечтали восстановить монархическую Думу, которая смиренно подчинилась указу о роспуске, и даже монархический Государственный совет, возложив на революционное Временное правительство ответственность за все прошлые неудачи.

Что решила ставка после этого обмена мнениями? Генерал Рузский сделал два предложения: 1) отдавать приказы командующим армиями должна только ставка, а не правительство; 2) для восстановления порядка все командующие должны оставаться на своих постах,

поскольку «они являются единственной авторитетной местной властью, к которой каждый обращается за помощью». Иными словами, фронт должен был стать независимой республикой командующих до тех пор, пока «великий князь не примет на себя главное командование».

Даже этот самый умный из царских генералов искренне верил, что в эру революции армия и страна могут жить отдельно друг от друга. Он вел себя так, словно современная война не уничтожила понятие о солдате как постоянном обитателе казарм, заменив его понятием «человек с ружьем», связывавшим фронт и тыл тысячами прочных нитей; словно мышление солдат могло отличаться от мышления народа в период величайшей революции, которая неизбежно являлась величайшей духовной революцией!

Из беседы с Родзянко генерал Алексеев сделал вывод (который тут же сообщил командующим армиями), что «в Государственной думе и ее Временном комитете нет единства; левые партии, поддержанные Советом рабочих депутатов, приобрели большое влияние» и оказывают «сильное давление» на Родзянко; «рабочие депутаты распропагандировали части Петроградского гарнизона, в результате чего последние стали представлять опасность для всех, в том числе и для умеренных членов Временного комитета». Члены Думы разделяли враждебное отношение генерала Алексева к этим явлениям. Но Алексеев отмечал, что «сообщениям Родзянко не хватает прямоты и искренности». У него была собственная информация о положении в Петрограде. «2 марта обстановка в Петрограде была гораздо спокойнее», «слухи об убийствах офицеров солдатами – полная чушь». Он даже подозревал бедного Родзянко в желании с помощью фальшивой информации «подтолкнуть представителей армии к принятию чрезвычайных мер». Алексеев уже мысленно готовил совещание командующих армиями, «коллективный голос» которых должен был помочь разработать меры, способные «повлиять на ход событий». Как сообщает генерал Лукомский, после отправки этой телеграммы Алексеев сказал: «Я никогда не прощу себе, что поверил в искренность некоторых людей, прислушался к ним и послал телеграмму командующим армиями об отречении царя».

Революция уже грозила вступить в конфликт с главным командованием, взгляды которого были еще более правыми, чем взгляды членов «прогрессивного блока». В свою очередь, «прогрессивный блок» следовал за революцией, сопротивляясь на каждом шагу и скрипя зубами.

На первый взгляд «прогрессивный блок» преуспел. С точки зрения закона революции действительно не было. Царь добровольно отрекся от престола в пользу Михаила, а Михаил отрекся от престола в пользу Учредительного собрания. Существовало Временное правительство (ниже мы рассмотрим, как и для чего оно было создано) во главе с князем Львовым. Но у Гучкова и Шульгина был указ царя, подписанный за час до отречения последнего, согласно которому «князь Г.Е. Львов назначался председателем Совета министров». Тот же фокус был проделан с назначением Николая Николаевича главнокомандующим. Однако это было еще не все. В архиве генерала Рузского хранится телеграмма, отправленная царю генералом Алексеевым. «Для обеспечения полного порядка и спасения столицы от анархии» Родзянко просит ставку «немедленно назначить командующим Петроградским военным округом смелого и энергичного генерала, популярного у населения и способного оказать на него влияние». От лица думского Комитета он предлагал генерал-лейтенанта Корнилова. Алексеев считал, что это может «успокоить столицы и восстановить порядок среди частей гарнизона». На телеграмме Николай написал: «Исполнить».

Короче говоря, делать революции было нечего: все уже обдумали и решили за ее спиной. После этого народ мог разойтись по домам. В юридическом смысле слова никакой революции не было вообще. Ее попросту исключили. Но оставалась маленькая неувязка: революция могла не понять, что ее исключили. Когда Шульгин обратил внимание Керенского,

Милюкова, Родзянко и других на то, что Львова назначил премьер-министром царь, они «объяснили, что знали об этом, но тщательно скрывали, чтобы не подрывать авторитет князя Львова»¹².

Царское назначение генерала Корнилова, который должен был бороться с революцией и восстанавливать порядок, скрывалось не менее тщательно. Только публикация архива генерала Рузского пролила полный или почти полный свет на последнюю фазу февральских событий 1917 г. и позволила восстановить попытку думских «революционеров поневоле» подавить революцию. Но революция обладала такой силой, что мимоходом смела все карточные домики, искусно построенные опытными в интригах политиками.

Сначала казалось, что Дума сумела почти полностью реализовать свои планы. Временное правительство, созданное из ее членов, было признано всеми. Однако есть один любопытный факт. Несколько царских министров, добровольно подвергшихся аресту, узнали по телефону о составе Временного правительства. Первым нарушил молчание Кривошей, «старый волк:» российского консерватизма.

Не обращаясь ни к кому в отдельности, он сказал:

– Это правительство имеет один серьезный... очень серьезный недостаток... Оно слишком правое... Да, правое. Пару месяцев назад оно бы удовлетворило всех. Это могло бы спасти ситуацию. Но сейчас оно чересчур умеренное. В этом его слабость. А сейчас требуется сила... Это, господа, уничтожит вашего большого ребенка, революцию, и нашу общую родину, Россию¹³.

Глава 5

СОВЕТСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Во время революции 1917 г., как и революции 1905 г., цензовой демократии, основанной на ограничении избирательного права с помощью имущественного ценза, противостояла советская, или революционная, демократия, органы которой в обычное время оставались подпольными и, естественно, представляли собой всего лишь скелет. Эти тайные органы создали особый великолепный тип «профессионального революционера», который не занимался ничем другим, кроме революции. Такой революционер был своего рода бродячим апостолом социализма или странствующим рыцарем, защищавшим угнетенных и наказывавшим их обидчиков. Его университетом была тюрьма, где он во время вынужденного досуга лихорадочно пополнял свой интеллектуальный багаж; репрессии и жестокости тюремщиков были испытанием на терпение и твердость духа; побеги – эпизодами; конспирация и маска – привычкой; игра в прятки с сыщиками – спортом; пропаганда и агитация – первейшей необходимостью. На втором Лондонском съезде социал-демократической партии (338 делегатов) проводилось анкетирование участников. Оно показало, что делегаты провели в тюрьме, ссылке, на каторге и под официальным надзором полиции в общей сложности 597 лет, арестовывались 710 раз и совершили 201 побег; при этом средний возраст делегата составлял двадцать восемь лет. Но рекорд по числу преследований все же принадлежал социалистам-революционерам (эсерам). На их лондонской конференции присутствовал 61 делегат; при этом они в общей сложности пробыли в ссылке 121 год, просидели в тюрьме 104 года, провели на каторге 88 лет, 228 раз попадали в полицейские облавы и арестовывались 146 раз. В тайных организациях профессиональные революционеры задавали тон. Члены более или менее централизованной системы местных партийных ячеек смотрели на них снизу вверх и подражали им. Провинциальные группы, находившиеся под влиянием и руководством соперничавших революционных организаций, были распространены довольно хаотично. Картина менялась только во время великих исторических событий. Пользуясь беспомощностью и бессилием правительства, эта массовая периферия рабочих и крестьян организовывалась: рабочие – на фабриках и в мастерских, крестьяне – в деревнях и селах. Там проходили выборы депутатов, причем делалось это простым одобрением, без четко оформленных правил, с весьма разнообразными и неопределенными нормами представительства. Обязанности избранных также были неопределенными; эти люди должны были поддерживать связь с людьми, выбранными в других местах, возглавлять борьбу за дело «народа», «рабочего класса» или «пролетариата». Отсюда возникло название – «Советы рабочих (позднее солдатских, крестьянских, казачьих и т. д.) депутатов».

В разгар революции 1917 г. цензовая демократия лишилась своего главного органа – Государственной думы – и существовала лишь в виде Временного комитета частной конференции бывших членов Думы. Этот комитет сразу же ощутил сильное давление со стороны революционной «уличной толпы». Рассмотрим, из кого состояла эта «толпа» и какую форму приняли ее стихийно созданные революционные органы.

Первый фактор, который отмечают все, – это *спонтанность* революционного движения. Конечно, в Петрограде имелись тайные «комитеты» практически всех подпольных социалистических групп, но влиятельных людей там не было. Репрессии правительства приводили к тому, что состав этих комитетов постоянно менялся. Часто они существовали только благодаря притоку зеленой молодежи; не успевала эта молодежь чему-то научиться и набраться опыта, как тоже попадала под арест, причем на этот раз замену арестованным найти было трудно. Ни эти комитеты, ни Рабочая группа (беспартийная с виду, но социали-

стическая по сути) Центрального военно-промышленного комитета не имели достаточного влияния, чтобы вывести на улицу рабочие массы. Большевики призывали провести всеобщую забастовку в честь годовщины суда над их думскими депутатами, отправленными в ссылку за «пораженческую» агитацию, но потерпели полное фиаско. Не большего успеха добилась Рабочая группа, пытавшаяся провести демонстрацию по случаю открытия Государственной думы.

Социалисты-революционеры таких попыток не делали вообще. Демонстрации, состоящие только из рабочих, да еще в военное время, они считали заранее обреченными на неудачу. Отчет директора Петроградского жандармского департамента за октябрь 1916 г. содержал отрывки из доклада, подготовленного эсерами для предполагавшейся московской конференции групп рабочих военно-промышленных комитетов: «Война каждый день добавляет к противникам войны и милитаризма десятки тысяч сторонников... Несогласованность партийных программ, недостаточная организованность некоторых классов общества, невозможность вести пропаганду и т. д. заставляют социалистов-революционеров смотреть на вещи иначе, чем это делают социал-демократы и другие левые партии: *в нынешней России революция по образцу 1905 г. невозможна, но зато более чем возможна революция объединенными силами солдатских и рабочих масс.*

Успех эсеровской пропаганды в армии, сведения о котором прибывают с каждым днем, заставляет нас сделать вывод, что революцию начнут солдаты из вчерашних рабочих и те рабочие, которые испытывают на себе гнет милитаристского полицейского государства, заставляющего их работать с помощью пуль и штыков».

Директор жандармского департамента пессимистически соглашается с тем, что «определенные факты вроде успешного распространения пацифизма среди солдат и рабочих оборонной промышленности, растущего протеста против высокой стоимости жизни и недостатка продуктов питания... соответствуют истине, и эсеровские агитаторы правильно понимают, что данный момент наиболее благоприятен для подготовки почвы, на которую упадут семена революционных идей и утопий»¹.

Деятельность эсеров не выходила за пределы пропаганды и подготовительной работы. Непосредственный переход к восстанию в конкретной форме их пока не интересовал: всему свое время.

Ни большевики, ни меньшевики, ни Рабочая группа, ни эсеры, как по отдельности, так и общими усилиями, не смогли вывести на улицу петроградских рабочих. Это сделал некто куда более могущественный: Царь-Голод.

Все началось с обычных беспорядков из-за нехватки продуктов. Длинные очереди, сначала состоявшие из женщин и мальчиков, вымещали свою досаду на владельцах булочных, подозревая их в припрятывании муки с целью спекуляции. Полиция пыталась восстановить порядок. Ее встречали камнями. Люди требовали: «Хлеба!» Затем, что вполне естественно, начали раздаваться крики: «Долой полицию!» Когда этим крикам ответило эхо тысяч голосов, вспомнились старые лозунги «Долой самодержавие!» и «Долой войну!». «Это были беспорядки, но еще не революция»². В отсутствие вождя все революционные и демократические группы, организованные и неорганизованные, сломя голову бросились на улицу, пытаясь привлечь на свою сторону как можно больше людей и вооружить их своими воинственными политическими лозунгами. 23 и особенно 24 февраля весь Петроград был свидетелем бесчисленных демонстраций и уличных митингов. В эти дни было сделано несколько попыток создать межпартийные центры, чтобы компенсировать слабость множества подпольных партийных организаций. Лидеры профсоюзов, кооперативов, учреждений культуры и образования проводили собрания с участием крайне левых депутатов Думы и видных представителей революционных партий.

На одном из таких собраний старый социал-демократ Череванин первым предложил немедленно создать Совет рабочих депутатов. Впрочем, эта мысль уже витала в воздухе. 24 февраля появилось сообщение о том, что на некоторых фабриках прошли выборы Советов. Как только идею о восстановлении Советов одобрили ведущие группы интеллигенции независимо от партийной принадлежности, движение тут же стало всеобщим, хотя депутаты от отдельных фабрик все еще не имели единой точки зрения и даже не знали, где им собраться. Для таких вопросов не было времени. Уличная агитация, митинги, попытки братания с солдатами затягивали людей в водоворот и просто не позволяли заниматься чем-то другим. Важнейшее событие, определившее дальнейший ход истории, произошло только 27 февраля, когда некоторые воинские части стали переходить на сторону народа (как и предсказывалось в меморандуме эсеров). Народ освободил из тюрьмы недавно арестованных членов Рабочей группы и многих других политических заключенных. Бывшие узники во главе с рабочим Кузьмой Гвоздевым направились в Таврический дворец. Вместе с социалистическими депутатами Думы и другими видными членами рабочего движения они создали временный Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов (нечто вроде организационного бюро), который немедленно сообщил своим подопечным, что в тот же вечер все депутаты должны собраться на первое совещание Петроградского совета.

Советская демократия создала свой орган.

Рассматривая вопрос о роли Советов в Февральской революции, мы тут же сталкиваемся с двумя легендами, противоречащими друг другу.

Согласно первой, охотно принятой консервативными и буржуазными кругами, Петроградский (а позже Всероссийский) совет был создан с целью подрыва авторитета Временного правительства революционерами, которые боялись нападать на последнее открыто, а потому попытались сформировать собственный параллельный теневого кабинет, чтобы связать Временное правительство по рукам и ногам и создать систему двоевластия.

Другая легенда, менее распространенная, принадлежит председателю Государственной думы Родзянко. Согласно его глубокому убеждению, «Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов тайно существовал без перерыва с 1905 г. и никогда не прекращал агитацию».

Обе версии одинаково далеки от истины. В действительности Петроградский совет был создан не как второй центр власти, альтернативный Временному правительству. Выборы в него начались еще до царского указа о роспуске Думы и, следовательно, раньше того, как Дума создала свой Временный комитет. Не был Совет и органической частью революционного движения. Как в 1905-м, так и в 1917 г. это был *специальный орган объединенного социалистического и революционного фронта* в военное время, рождавшийся в огне и буре приближавшейся революции. В отличие от прочих боевых организаций рабочего класса, он создавался не сверху, а снизу, путем выборов на фабричных и заводских митингах, а потому представлял собой нечто вроде «предварительного парламента» рабочего класса.

Как и в 1905 г., обязанности Советов не были четко определенными. Это были любые точки приложения революционной энергии. Для русских рабочих 1905-го и весны 1917 г. Советы были тем же, чем революционные клубы (в частности, яковинский) были для буржуазии времен Французской революции. Клубы становились импровизированными организациями в отсутствие прочных, стабильных и оформленных *партий*. Впрочем, Россия недостатка партий не ощущала. Напротив, их было слишком много. Но они включали лишь небольшой круг профессиональных революционеров и «сливки» рабочего класса. Для подавляющего большинства трудящихся они либо не существовали, либо относились к области мифов. Не было в России и широкой сети профсоюзных организаций, без которых рабочий класс представляет собой лишь «человеческий прах». Поэтому Советы возникали как временная замена профсоюзных и политических организаций рабочего класса.

Как и революционные клубы 1789 г., русские Советы выполняли двойную функцию: во время важных событий они служили точками приложения прямой инициативы масс, бросавших на чаши весов свой энтузиазм, свою кровь и свои жизни. В периоды относительной стабильности они были органами народовластия. Это право они завоевали своей энергией, способностью получать поддержку масс и пользоваться ею.

При рождении Советов никто не думал об их главной особенности – возможности централизовать эту широкую, развитую, логичную систему мелких местных органов и сделать ее *официальной основой государственной власти*, превратив в единый и единственный конституционный механизм нормального управления страной. В истории российских Советов данная идея считается чуждой, импортированной из-за рубежа и представляющей собой более позднюю, переделанную на русский лад главную идею южноевропейского анархо-синдикализма или, в лучшем случае, бессознательную пародию на нее. Одно дело – строить государство рабочего класса на прочной основе тред-юнионов, выкованной долгими годами борьбы и практической деятельности масс, и совсем другое – создавать ее на основе импровизированных полуклубов, полупарламентов, не имеющих ни опыта, ни устава, ни четкой системы выборов. Тред-юнионы имеют свою историю, богатый опыт, традиции и этику. Всего этого у Советов, как революционных клубов, не имелось. У них не было никакого «вчера», только «сегодня». Для них были характерны не только отзывчивость и впечатлительность, но и непостоянство, неопределенность и хаос. Развитое тред-юнионистское движение может только *служить*; Советы же могут только *командовать*. Тред-юнионы – организации боевые и деловые одновременно, а Советы – только боевые, по духу и структуре соответствующие чрезвычайным условиям революционного периода, когда жизнь бьет ключом и выходит из границ. Как деловые органы они никогда не ценились и сами на эту роль не претендовали. Их единственной задачей было распространение «священного духа революции» на всю Россию, удаление всех препятствий, подавление и уничтожение в зародыше любой попытки правых оказать сопротивление, а также наблюдение за тем, чтобы программа и состав созданного революцией Временного правительства соответствовали целям этой революции. Вот и все. Советы никогда не имели четкого устава; выборы в них всегда были хаотическими и неорганизованными. Менее всего они напоминали орган государственной власти, действующий на основании определенных правил.

Однако в переходный период все это нисколько не мешало Советам быть единственной активной законодательной властью. Не стоит забывать, что Временный комитет частной конференции членов Государственной думы в те же дни определил свою задачу как *посредничество* между народом и старым режимом. Он заключил соглашение с последним, вырвал у него большие уступки и пытался спасти то, что осталось от прежнего порядка. Не стоит забывать, что этот орган цензовой демократии вступил в переговоры с высшим командованием, с царем и, наконец, с «законным преемником» последнего. Он испробовал все возможные способы сохранить существующую систему, но был вынужден признать свою неудачу. Наконец он столкнулся с дилеммой – либо принять власть «от имени революции», либо со стороны наблюдать за тем, как это сделают другие. Советская демократия была плохо осведомлена об этих закулисных переговорах; от нее многое утаили, а на многое не обратила внимания она сама, не придавая большого значения политическим интригам.

Но что же *делала* советская демократия? Она не брала власть, не объявляла себя правительством, но действовала как немедленный революционный законодательный орган. Она так же бессознательно выполняла некоторые функции правительства, как человек бессознательно «говорит прозой». Временный исполнительный комитет Совета рабочих депутатов, созданный лишь как организационное бюро, во многих случаях функционировал как правительство просто потому, что эти вопросы не решал больше никто. Во-первых, он создал временный военный штаб из большого количества левых офицеров, среди кото-

рых выделялись эсеры Филиповский и Мстиславский (Масловский). Он сформировал временную продовольственную комиссию, где важную роль играли социал-демократы Громан, Франкорусский и другие. Военный штаб пытался руководить хаотичными действиями солдат, моряков и вооруженных рабочих, которые были полны энтузиазма, но не знали, что им делать из-за полного отсутствия организации. Этот штаб формировал летучие отряды (которыми из-за недостатка офицеров командовали случайные люди – чаще всего наиболее грамотные солдаты, а также студенты и другие штатские), посылал их на разведку в разные районы города, поручал им захват важных стратегических пунктов (вокзалов, полицейских участков, явочных квартир тайной полиции, телеграфа, телефона, различных казарм), арест царских министров и других слуг прежнего режима, ликвидацию очагов отчаянного сопротивления полиции, забаррикадировавшейся с пулеметами, разоружение городских и т. д. Продовольственная комиссия провела небезуспешный эксперимент по введению твердых цен на остродефицитные, а потому чрезвычайно дорогие продукты питания (например, масло). Она тут же приняла меры по обеспечению питания солдат, примкнувших к революции. Многие группы солдат, пришедшие к Таврическому дворцу, принадлежали к колебавшимся или нейтральным полкам и боялись вернуться в казармы. А тот, кто возвращался, обнаруживал, что офицеры разбежались, а продовольственные склады пусты. Голодные солдаты без офицеров и еды могли начать грабить и вызвать в городе полную анархию. На первой сессии Совета была одобрена еще одна мера: разделить Петроград на районы и направить в них специальных комиссаров Совета для наблюдения за выборами «районных комитетов», то есть местных органов народной власти, и создания вооруженной рабочей милиции по норме «сто человек от тысячи работников фабрики». Кроме того, сам Совет претерпел одно радикальное изменение. Созданный как Совет рабочих депутатов, он тут же стал настолько сильным центром притяжения для воинских частей, что уже не мог сохранять свою прежнюю форму. На первой сессии Совета присутствовал целый калейдоскоп представителей разных воинских частей. Они заявляли о своей полной солидарности с рабочим классом, представленным в Советах, клялись сражаться с ним бок о бок и защищать революционные завоевания трудящихся. Когда к революции и ее вождю, Петроградскому совету, присоединился Семеновский полк, имя которого вошло в историю России благодаря подавлению московского вооруженного восстания 1905 г., всеобщий энтузиазм достиг апогея. Было решено преобразовать Совет рабочих депутатов в Совет рабочих и солдатских депутатов; при этом каждый батальон имел право прислать одного делегата.

Через несколько дней Совет превратился в гигантский рабоче-солдатский предпарламент. В него входило около 2000 членов, а к середине марта – уже 3000. Каждое решение немедленно передавалось в казармы и рабочие кварталы по тысяче каналов. Такой силе не мог противостоять никто.

Поэтому неудивительно, что Родзянко не мог получить поезд для поездки к царю без разрешения Совета, а Гучков и Милюков сильно рисковали, пытаясь объявить Михаила царем против воли этого органа народовластия. Если бы Михаил попытался воспользоваться правами, делегированными ему Николаем II, в восставшем Петрограде это действительно стоило бы ему жизни, а сбежать в более безопасное место он тоже вряд ли смог бы.

Но и это еще не все. Только Совет мог остановить всеобщую забастовку и вновь открыть фабрики. Только он мог восстановить уличное движение. Поскольку Совет контролировал профсоюз печатников, только он мог разрешить издание газет – всех или нескольких. Сразу же после своего создания Временное правительство было вынуждено обратиться к лидерам Совета, чтобы напечатать свое первое воззвание к народу. Когда воинские части Петрограда стали частью организованной советской демократии, Совет превратился в единственный реальный источник власти. На своей первой сессии Совет решил принять немедленные меры по изъятию всех общественных фондов из-под контроля старого пра-

вительства. После этого решения вооруженные солдаты заняли и начали охранять Государственный банк, центральное и местные казначейства, Монетный двор и т. д.

Следует подчеркнуть весьма характерную деталь: декларация Совета гласила, что он «поручает Временному комитету Государственной думы немедленное исполнение данного декрета». В тот момент никому и в голову не пришло спросить: почему Временный комитет должен выполнять инструкции Совета, если он не подчинен последнему? В тот момент Совет, являвшийся детищем революционных рабочих и солдатских масс, был главным центром. В Совет приходили владельцы всех типографий и просили оценить ту или иную работу с точки зрения ее «полезности революции». 3 марта совещание представителей петроградских банков попросило у Совета разрешения «немедленно открыть банки». Бывшая фаворитка Николая II, знаменитая балерина Кшесинская, обратилась в Совет с просьбой вернуть ей особняк, реквизированный во время революционного междуцарствия и занятый в основном большевистскими организациями. Великий князь Михаил просил Совет выделить ему поезд для проезда из Гатчины в Петроград и получил ответ: «Поскольку уголь дорог, гражданин Романов может купить билет и ехать в обычном поезде на равных правах с другими гражданами». С утра до ночи Совет осаждала «толпа просителей, промышленников, солдатских и рабочих депутатов, офицеров, предпринимателей, студентов, мужиков с котомками и какими-то бумагами в руках, чиновников и плачущих женщин»³. В Исполнительный комитет Совета приходили по всем делам, включая разводы и гражданские иски; приходилось выбиваться из сил, объясняя наивным посетителям, что в компетенцию Совета входит не все.

Профессор Г. Швиттау, изучавший социальную и экономическую сторону революции, пришел к выводу, что «советский режим» был «полностью представлен уже в первый период Февральской революции», потому что Совет начал действовать раньше и был реальной властью в гораздо большей степени, чем Временный комитет Думы и Временное правительство. Он утверждает: «О каком бы то ни было двоевластии в этот период говорить трудно, поскольку тогда существовало только «Советское правительство», которое еще не сформировало свою идеологию и скрывалось за спиной более или менее законного буржуазно-революционного Временного правительства»⁴. Суханов пишет: «Советский административный аппарат начал невольно, автоматически, против воли самого Совета, заменять аппарат официального правительства, на долю которого мало что оставалось. Тогда с этим ничего нельзя было поделать; нам пришлось смириться и принять на себя разные административные функции, одновременно создавая и поддерживая видимость того, что власть осуществляется из Мариинского дворца»⁵.

Глава 6

ПОЗИЦИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Почему Совет не сформировал собственное Временное правительство? Это вопрос с двойным дном. Во-первых, нужно понять, как вожди советской демократии расценивали собственную позицию. Во-вторых, выяснить, какие объективные причины диктовали им такой способ действий.

Единой точки зрения на эту проблему у советской демократии не было.

В конце 1890-х годов, когда перспектива революции в России казалась отдаленной, тогдашняя революционная демократия была представлена двумя крупными партиями – социал-демократами (эсдеками) и социалистами-революционерами (эсерами).

Каждая партия пыталась разглядеть сквозь туман будущего таинственные очертания грядущей революции, определить ее характер, продолжительность и историческое значение. Каждая партия пыталась представить собственную историческую миссию на заключительном этапе движения, чтобы с самого начала твердо идти к намеченной цели.

Сначала социал-демократы, тогда еще не разделившиеся на большевиков и меньшевиков, исходили из ортодоксального марксизма. Они считали, что историческая эволюция России будет проходить так же, как в странах Западной Европы, путем развития капитализма. Для России, бедной аграрной страны, индустриализация которой тормозилась наличием сильных зарубежных конкурентов в лице транснациональных компаний, этот путь обещал быть долгим (тем более что России предстояло не только провести индустриализацию, но и превратиться из бедной капиталистической страны в богатую). Поэтому цель приближавшейся русской революции (как и первых революций в других европейских странах) заключалась всего-навсего в создании условий для ускоренного развития капитализма, в ликвидации докапиталистических пережитков, рабского принудительного труда и политического абсолютизма, тормозившего инициативу и активность народа. После падения самодержавия к власти должна была прийти буржуазия; следовательно, ведущая роль в уничтожении абсолютизма должна была принадлежать последней. Пролетариат, как исторический наследник буржуазии, должен был вооружиться терпением и сначала помочь буржуазии, историческому наследнику абсолютизма, потребовать ее наследство. Таким образом, роль пролетариата заключалась в том, чтобы: 1) поддерживать либеральную буржуазию в ее борьбе с абсолютизмом; 2) подталкивать буржуазию к полному искоренению самодержавия, не допуская никаких компромиссов; и 3) в обмен на поддержку получить от буржуазной революции полную свободу для собственных организаций, как политических, так и тред-юнионистских, право участвовать в решении вопросов государственной важности, а также законы, позволяющие пролетариату оказывать все более сильное влияние на промышленность.

Такой была первоначальная, классическая точка зрения социал-демократии на роль пролетариата в приближавшейся революции.

Однако первым подводным камнем, на который напоролась Россия, оказался аграрный вопрос.

Социал-демократы считали, что российский аграрный капитализм будет развиваться так же, как и промышленный, но значительно медленнее и болезненнее. Они думали, что сельские помещики превратятся в современных крупных землевладельцев, создателей высокопродуктивных «фабрик зерна». После этого в деревне произойдет размежевание: меньшинство крестьян станет мелкими собственниками, а большинство – безземельными пролетариями, аграрной ветвью промышленного рабочего класса. Но по мере развития событий

контуры приближавшейся аграрной революции становились более отчетливыми. Все трудовое крестьянство стремилось получить в собственность землю тех, кто не обрабатывал ее собственными руками, в то время как находившийся в зачаточном состоянии сельскохозяйственный пролетариат стремился вернуться в прежнее мелкобуржуазное состояние за счет получения своей части поделенных помещичьих земель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.